

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 98, ноябрь 2022

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ В ВОЙНЕ НА УКРАИНЕ

«Но Збиг, сколько ты можешь тыкать палкой в глаз России, не боясь ответной реакции? В годы слабости России при Ельцине мы взяли за привычку много раз совать пальцы в её глаза, и нам это сходило с рук. Разве этот период не подходит к концу? Разве мы не должны воспринимать их всерьёз, когда они говорят: “Это в корне противоречит нашим интересам, и мы будем сопротивляться”?».

Так описывает Дэвид Игнатиус из *Washington Post*, третий голос в книге “Америка и мир” 2008 года, интервью со Збигневом Бжезинским, советником по национальной безопасности при Джимми Картере, и Brentом Скоукрофтом, занимавшим эту должность при Джеральде Форде и Джордже Буше, а также пост военного советника при Ричарде Никсоне. Из этой диалектики между двумя старейшинами внешней политики империализма США ясно выделялись две линии в отношении российского империализма и его амбиций по восстановлению контроля в “ближнем зарубежье”, исторической подконтрольной территорией царской империи. Бжезинский решительно выступал за включение Украины в НАТО; Скоукрофт – против, выдвигая возражения, которые были и у Генри Киссинджера: исторические и самобытные связи Киевской Руси с московской властью, разделение Украины на прозападный Запад и русифицированный Восток. Европейский империализм фигурировал лишь на заднем плане: Скоукрофт вспоминал европейскую оппозицию таким навязчивым действиям против России и сетовал на запутанное пересече-

чение сфер ЕС и НАТО; Бжезинский придерживался мнения, что в украинском вопросе европейцы были “разделены”.

За линией Бжезинского тянется длинный шлейф. Его книга 1997 года “Великая шахматная доска” является самой значительной публикацией 1990-х годов, в ней прослеживается его намерение повлиять на американскую политику во время второго срока Билла Клинтона. В свете этого текста Бжезинского можно считать одним из главных теоретиков *однополярного момента* американского империализма, триумфалистского тезиса, вошедшего в моду в 1990-х годах после распада СССР в *стратегической цезуре* 1989–1991 годов.

Тьерри де Монбриаль в ежегоднике Французского института международных отношений (IFRI) “Рамзес 2023” утверждает, что “Великая шахматная доска” имела «безграничное» влияние. Он видит, что линия Бжезинского воплотилась в ориентации администрации Байдена и в результатах войны на Украине, где бывший советник Картера взял на вооружение геополитическую схему Хэлфорда Маккиндера в сочетании с американской *исключительностью*. Соединённые Штаты утвердили бы свою роль единственной сверхдержавы и универсальной империи основанной на ценностях свободы, демократии и экономического прогресса, если бы они играли на «шахматной доске» евразийского континента, не позволяя враждебной гегемонистской державе или коалиции утвердиться там. В этом видении, резюмируем мы, в ложном сознании, которое отождествляло американские интересы с глобальным развитием демократии – сегодня мы бы сказали *либеральным порядком* – речь шла о *удержании противников разделёнными, чтобы сохранить мир единым*, именно вокруг ценностей, которые лежали в основе американской гегемонии.

В этом контексте Бжезинский предполагал расширение НАТО и Европейского союза на Восток, предусматривая даже возможность включения Украины; ЕС, но “евроатлантический”, органически связанный с Соединёнными Штатами и в любом случае, по крайней мере, на обозримый период жизни одного поколения, имеющий ограниченный уровень интеграции, не способен обеспокоить Вашингтон.

Присоединение Украины к Западу было картой, которая должна была обусловить Москву. Без Украины Россия перестала бы быть “империей” и не смогла бы изолировать под своей властью республики Кавказа и Средней Азии. Через Украину, опирающуюся на “расширенный Запад” или “Большой

Запад”, Москва была бы вынуждена подключиться к участию в западном процессе демократизации.

На первый взгляд, Бжезинский критически относился к исторической американской двойственности в отношении европейской политической интеграции; он утверждал, что она должна развиваться при активной роли США, реорганизуя НАТО с учётом двух столпов Атлантического альянса. Однако следует помнить, что “Великая шахматная доска” предусматривала скорее *трансатлантическую интеграцию*, чем *взаимность*, и в любом случае она намекала на процесс, который займет не одно поколение, пока будет продолжаться расширение на Восток.

Отношения между ЕС и Россией были задуманы и поощрялись именно в этом смысле. С одной стороны, это был ЕС, встроены в атлантические отноше-

ния, так что любое его расширение – по сути, сопровождаемое или предшествующее расширению НАТО – было бы расширением американского влияния.

С другой стороны, Россия была бы ослаблена вступлением Украины в ЕС и НАТО и, таким образом, низведена до региональной, а не равной роли в слиянии с расширенным *Большим Западом*. В этом смысле союз между Европой и Россией был бы не угрозой враждебной коалиции, способной контролировать *heartland* – *континентальный центр мирового острова* в геополитическом воображении Маккиндера, – а осуществлением американского баланса на евразийской шахматной доске, уравнивания Китая на восточном фронте Евразии.

(продолжение на стр. 2)

Октябрь 2022 г.

Содержание

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ В ВОЙНЕ НА УКРАИНЕ	стр. 1
Империалистические линии в войне на Украине и непреднамеренные результаты кризиса глобального порядка	стр. 2-3
Лондон призван к порядку	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Рим на Темзе	стр. 5
<i>Издательская новинка</i>	
Энергетические отношения и российские нарушения равновесия	стр. 6
<i>Российские хроники</i>	
Стратегические расчёты и экономические реалии	стр. 7
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Интернационал и лассальянская секта	стр. 8
Забастовки и жестокость государства в иранском котле	стр. 9
<i>Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма</i>	
Китайский империализм и государство	стр. 10
<i>Гиганты Азии</i>	
Шэньчжэнь и Шанхай на XX съезде	стр. 11
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Сотрудничество в сфере здравоохранения – полоса препятствий	стр. 12
75 лет независимости Индии: неизвестные долгого развития	стр. 13
<i>Европейская оборонная и военная промышленность</i>	
Арсенал Финляндии и Швеции для восточного фронта	стр. 14
General Electric	стр. 15
Без революции нет настоящего мира	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Испанский наблюдательный пункт

Андалусия и испанские политические карты	стр. I
Атлантический фактор испанских партий	стр. II
Пиренеи и реструктуризация в Испании	стр. III
Иберийские исключения и призраки	стр. IV

Ренато Пасторино

Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Империалистические линии в и непреднамеренные результаты

(начало на 1-й стр.)

В книге «Великая шахматная доска» Бжезинский анализирует перспективы России, оценивая три различные «направления мысли», каждое из которых он считает непригодным для реального соотношения сил, в котором находилась Москва: «1. Приоритет “зрелого стратегического партнёрства” с Америкой, что для некоторых приверженцев этой идеи являлось на самом деле термином, под которым зашифрован глобальный кондоминиум.

2. Акцент на “ближнее зарубежье” как на объект основного интереса России, при этом одни отстаивают некую модель экономической интеграции при доминировании Москвы, а другие также рассчитывают на возможную реставрацию некоторого имперского контроля с созданием таким образом державы, более способной уравнивать Америку и Европу.

3. Контральянс, предполагающий создание чего-то вроде евразийской антиамериканской коалиции, преследующей цель снизить преобладание Америки в Евразии».

По мнению Бжезинского, первое течение преобладало в начале 1990-х годов, вокруг западного направления первых правительств ельцинского президентства; две другие ориентации возникли вскоре после этого. Однако все три тенденции оказались «неуклюжими с исторической точки зрения», поскольку были «разработанными на основе весьма фантастических взглядов на нынешние мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом»¹.

Давайте проследим за нитью исследования Бжезинского. По его мнению, подоплёкой первого, хотя и западного, течения был мираж новой Ялты и убеждение, что Россию признают «равной Америке»; «в эту иллюзию вписывается также точка зрения, что страны Центральной Европы должны каким-то образом остаться, или даже решит остаться, регионом, политически особо близким России»². Распад Варшавского договора и СЭВ не привёл бы к тому, что страны, ранее входившие в них, тяготели бы к НАТО или даже ЕС.

Здесь Бжезинский критикует администрацию Клинтона за то, что она поощряла эти течения и оставалась двусмысленной в отношении статуса Восточной Европы. В книге Мэри Э. Саротте о процессе расширения НАТО «Ни на дюйм» – в которой необъяснимым образом не упоминается «Великая шахматная доска» – имеется ссылка на полемику 1993 года, где Бжезинский критикует гибридную формулу «Партнёрства ради мира», предложенную Востоку, и решительно выступает за расширение НАТО.

В этом контексте, по мнению Бжезинского, дискриминант украинской независимости относится и к прозападным течениям раннего Ельцина: «Российская постсоветская элита явно ожидала, что Запад поможет или, по крайней мере, не будет мешать восстановлению главенствующей роли России в постсоветском пространстве».

В этой перспективе Украина «имела крайне важное значение»³: «Всё большая склонность США, особенно к 1994 году, придавать высокий приоритет американо-украинским отношениям и помочь Украине сохранить свою недавно обретенную национальную свободу рассматривалась многими в Москве – и

даже “прозападниками” – как политика, нацеленная на жизненно важные для России интересы, связанные с возвращением Украины в конечном счёте в общий загон. То, что Украина будет со временем каким-то образом “реинтегрирована”, остаётся догматом веры многих из российской политической элиты. В результате геополитические и исторические сомнения России относительно самостоятельного статуса Украины лоб в лоб столкнулись с точкой зрения США, что имперская Россия не может быть демократической»⁴.

В заключение, «демократически настроенные “прозападники” просто хотели очень многого, но сделать могли очень мало»: «Они желали равноправного партнёрства – или скорее кондоминиума – с США, относительной свободы действий внутри СНГ и с геополитической точки зрения “ничьей земли” в Центральной Европе. Однако их двойственный подход к советской истории, отсутствие реализма во взглядах на глобальную власть, глубина экономического кризиса и отсутствие широкой поддержки во всех слоях общества означали, что они не смогут создать стабильной и подлинно демократической России, наличие которой подразумевает концепция “равноправного партнёрства»»⁵.

Внимание: Де Монбриаль добавляет, что к концу своей жизни, осознав риски экспорта демократии силой – инициативы линии неоконсерваторов, которая в 2003 году подтолкнула к войне по выбору в Ираке – Бжезинский сделает выбор в пользу формулы финляндизации Украины. В этом переосмыслении кроется ключ к первому непреднамеренному результату доктрины Бжезинского. Это изменение мнения объясняет, почему Бжезинский и Киссинджер, занимавшие противоположные позиции в отношении членства Украины в НАТО, в конечном итоге сошлись на позиции финляндизации в кризисе 2014 года.

Однако мы считаем, что сближение двух сторон по этой формуле, отражённой в Минских соглашениях, носит тактический, а не стратегический или концептуальный характер. Шёл 2014 год, начало военных действий за Донбасс и Крым: Бжезинский, вероятно, хотел избежать военного конфликта с Россией, но его убеждение в том, что Украина должна быть навсегда отторгнута от Москвы и что следует предотвратить создание включающего её Евразийского союза, остаётся неизменным.

Этот случай хорошо иллюстрирует различное использование Бжезинским и Киссинджером понятий баланс сил и жизненно важные интересы. Бжезинский признаёт баланс сил и жизненно важные интересы держав, но считает, что может манипулировать и направлять их, как в отношениях между державами, так и внутри самих держав, влияя на политические процессы, которые с развитием, по крайней мере, имеют потенциал склониться к свободе и демократии: это видение великого пробуждения, которое, начиная с Французской революции 1789 года, под импульсом экономического развития должно было постепенно подталкивать массы к политическому и социальному сознанию.

По мнению Бжезинского, у России есть жизненно важный интерес в Украине, но её нужно заставить отказаться от него. Для этого он выдвигает гипотезу о тройном стратегическом обходе: на Западе, привязывая Киев к ЕС и Ат-

лантическому альянсу; в Центральной Азии, которую он представляет связанной газопроводами с Западом и исламизированной, а также находящейся под влиянием Турции; и в Восточной Азии, где наряду с союзом с Японией, в котором Токио находится в зависимом положении, он выступает за стратегическое сближение с Китаем. Таким образом, Москва была бы вынуждена выбрать в качестве единственного варианта демократизацию, отказавшись от имперского господства, и принадлежность – в подчинённом положении – к расширенному Западу, опирающемуся на трансатлантическую связь.

Киссинджер начинает с той же разведки жизненно важных интересов других держав, в данном случае России, но для того, чтобы каким-то образом признать их и на этой основе вести переговоры о составе вестфальского концерта держав, где вмешательство во внутренние дела другой державы не предусматривается или ограничивается. Киссинджер также думает о России, связанной с Западом, но на основе признания её государственных интересов. Действительно, в 1970-х годах, когда Вашингтон вёл переговоры с СССР о достижении баланса в области стратегических вооружений, Ричарда Никсона и Киссинджера обвиняли в умиротворении Москвы; переговорам в Конгрессе мешали течения, как демократические, так и республиканские, которые утверждали, что на СССР нужно давить сильнее, в том числе используя оружие прав человека. При президентстве Картера, советником по национальной безопасности которого был Бжезинский, была принята эта более проникающая линия; эти две ориентации, вдохновлённые Бжезинским и Киссинджером, можно рассматривать как два направления субъективистов и объективистов баланса сил.

При ближайшем рассмотрении эти два подхода, увиденные с разницей в полвека, отражают не только две политические культуры: Бжезинский – реализм, пронизанный американской исключительностью; Киссинджер – *realpolitik* в европейском стиле, который действительно черпает вдохновение у Меттерниха и Бисмарка, – но и два взгляда на баланс сил. Киссинджер, вместе с Никсоном, с которым Бжезинский полемизировал в 1972 году, клеймя его представление о пятиполярном равновесии как «иллюзию», думает о многополярном равновесии, представлении, которое будет развиваться в течение десятилетий, в гипотезе шестиполярности в 1990-х годах и равновесии между крупными региональными зонами в его последней книге «Мировой порядок».

Бжезинский думает о превосходстве расширенного Запада, который, играя на плюрализме сил на евразийском континенте, даёт себе время привести всю мировую систему в соответствие с либеральными ценностями, воплощёнными американской гегемонией. Это не умаляет того факта, что к концу десятилетия этого века, столкнувшись с необходимостью уравнивать Китай, который близок к тому, чтобы сравняться с американской мощью, а в перспективе и со всем Западом, два взгляда Бжезинского и Киссинджера на баланс сил и отношения с Пекином будут иметь тенденцию к наложению.

Возможно, самое важное отличие, однако, заключается именно в их раз-

личном отношении к американской политической культуре. Бжезинский, поскольку он ставит свой реализм на службу вильсоновской концепции, в большей степени придерживается этой культуры исключительности, и ход событий на протяжении десятилетий в большей степени соответствует его анализу. В этом смысле, можно думать, де Монбриаль говорит о «безграничном» влиянии его книги. И это, заметьте, в хороших и плохих сторонах развития американской внешней политики, в её успехах и неудачах. Афганистан действительно станет Вьетнамом СССР, как предсказывал Бжезинский в 1980 году, но за этим последует исламский терроризм и 11 сентября; Украина действительно отделилась от Евразийского союза Москвы и двинулась в сторону ЕС и НАТО, но ценой войны, последствия которой останутся на десятилетия. В настоящее время Россия движется в направлении, противоположном тому, которое предполагал Бжезинский, который хотел заставить её демократизироваться и прийти к соглашению с евроатлантическим Западом.

Перефразируя название романа Грэма Грина «Тихий американец» («The Quiet American») о катастрофе манипулятивных попыток США во Вьетнаме, истинной дороге в ад, вымышленной лицемерием благих намерений, Бжезинский в определённой степени является тихим геополитиком. Остаётся верным, что этим его путём в конечном итоге были достигнуты некоторые американские стратегические цели: СССР развалился в том числе в результате вызывания в афганский клубок; враждебное США сближение Германии с Россией или ЕС с Россией теперь надолго будет предотвращено.

Со своей стороны, реализм Киссинджера в европейском стиле никогда не разрешит загадку реалистического проведения американской политики, которая бы соответствовала не только массовым чувствам в этих социальных психологиях, но и моральному фактору самих политических элит. До конца своей жизни он будет вести педагогическую борьбу против этой политической культуры, указывая на опасность для Америки колебаний между вильсоновским миссионерским духом – душой либерального интернационализма политических элит Восточного побережья – и джефферсоновским или джексоновским изоляционизмом континентального пояса и южных штатов. Он сочетал её с практикой «консультирования принца» очередного действующего президента, пытаясь влиять на него, даже сопровождая в определённой степени его решения, противоречащие его видению: один из многих примеров – «война по выбору», предпринятая в 2003 году в Ираке Джорджем Бушем – младшим и его неоконсервативными советниками. В одном решающем аспекте эта тактика была успешной – поворот в глобальных масштабах, осуществлённый в 1971 году Никсоном в отношении Китая; во многих других случаях Киссинджер останется *Кассандрой Realpolitik*. Достаточно подумать о нынешней войне на Украине, контекст которой Киссинджер предвидел до мелочей, именно исходя из понимания жизненно важных интересов России.

Второй вариант, который Бжезинский рассматривал для России в конце 1990-х годов, заключался в приоритете «ближнего зарубежья». Именно этот

войне на Украине кризиса глобального порядка

вариант, заметим, утвердится при Владимире Путине. По словам Бжезинского, это течение противостоит прозападному, утверждая, что сотрудничество с Соединёнными Штатами пренебрегает приоритетом отношений с республиками бывшего СССР: «необходимость воссоздания в пределах геополитического пространства, которое когда-то занимал Советский Союз, некоей жизнеспособной структуры с Москвой в качестве центра, принимающего решения»⁶. В рамках этой тенденции сходились различные направления мысли. Сторонники «функционализма» и «детерминизма» были убеждены, что СНГ, шаткое Содружество Независимых Государств, пришедшее на смену СССР, «может эволюционировать в возглавляемый Москвой вариант ЕС». Другие течения рассматривали экономическую интеграцию как «лишь один из инструментов реставрации империи», наряду с военно-политическим влиянием. Компонент «евразийства» заявлял о «постоянной исторической миссии»⁷ на пространстве бывшего СССР.

В этой рекогносцировке можно найти классификацию течений, которые сегодня находятся вокруг Путина. По мнению Бжезинского, функционалистская или экономическая ориентация сочетали в себе «объективный экономический детерминизм» с сильной дозой «субъективной имперской решимости», но не давали исчерпывающего ответа на вопрос, что такое Россия и какова её «миссия»: «Это именно тот вакуум, который пыталась заполнить всё более привлекательная доктрина евразийства с её фокусом также на “ближнее зарубежье”». Отправной точкой этой ориентации, определённой в терминологии, связанной скорее с культурой и даже с мистикой, была предпосылка, что в геополитическом и культурном отношении Россия не со всем европейская и не совсем азиатская страна и поэтому явно представляет собой евразийское государство, что присуще только ей. Это – наследие уникального контроля России над огромной территорией между Центральной Европой и Тихим океаном, наследие империи, которую Москва создавала в течение четырёх столетий своего продвижения на восток. В результате этого продвижения Россия ассимилировала многочисленные нерусские и неевропейские народы, приобретая этим единую политическую и культурную индивидуальность»⁸. Более «трезвая» версия евразийских теорий, опять же с точки зрения Бжезинского, лежала в основе инициатив, выступающих за создание Евразийского экономического союза.

Этот второй вариант для Бжезинского также был «геополитической иллюзией»: «Геополитическая несостоятельность приоритета ориентации на “ближнее зарубежье” заключалась в том, что Россия была недостаточно сильно политически, чтобы навязывать свою волю, и недостаточно привлекательной экономически, чтобы соблазнить новые государства»⁹.

Наконец, третий вариант, который вентилировался российскими течениями, – это альтернативный союз Москвы с Пекином и Тегераном. Эта перспектива, отметим, тоже является частью сегодняшних политических вариантов в российских дебатах; с точки зрения Бжезинского, она оставалась маловероятной: она была бы возможна только в том случае, если бы недалёвидность

Вашингтона привела США одновременно к конфронтации и с Китаем, и с Ираном; прежде всего, Москва должна была бы принять союз, в котором Пекин был бы доминирующей силой.

В результате неадекватности для России всех трёх вариантов: прозападного, требующего равноправных отношений с США, евразийского, направленного на восстановление контроля над бывшим СССР, азиатского, рассматривающего союз с Китаем, – Бжезинский считал, что Вашингтон должен работать над тем, чтобы заставить демократическую и больше не «имперскую» Россию сотрудничать с «трансатлантической Европой»¹⁰ и США; Украина, крепко связанная с Западом, становилась стержнем всего маневра на геополитической «шахматной доске».

Де Монбриаль отмечает, что в то время Китай ещё не рассматривался как угроза; на самом деле, добавим мы, Бжезинский выступал за фактический союз между США и «Великим Китаем», региональной державой. Недавно Уолтер Рассел Мид выступил с геополитическими самовнушениями, аналогичными предложениям Бжезинского, в статье «Великая шахматная доска» в *Wall Street Journal*, утверждая, однако, что балансирующая игра США, морской державы, противостоящей массе Евразии, могла бы быть успешно поддержана Америкой вместе с её европейскими и азиатскими союзниками даже против коалиции Китая и России. Напротив, с точки зрения Бжезинского, это был бы самый опасный сценарий, в рамках трёх возможных региональных коалиций, противоречащих американским интересам.

Первым был именно союз между Китаем и Россией, возможно, расширенный до Ирана и возглавляемый Китаем: «Чтобы предотвратить создание этого блока, как бы маловероятно это ни выглядело, США потребуются проявить геостратегическое мастерство одновременно на западной, восточной и южной границах Евразии».

Второй неблагоприятной для США комбинацией была бы ось между Китаем и Японией, однако такой альянс считался «маловероятным», учитывая исторический ход военного конфликта между двумя державами, и в любом случае легко предотвратимым США. Третьей враждебной комбинацией могла бы стать крупная европейская переориентация на Россию через «германо-российский сговор» или «франко-российский союз».

Стоит отметить, что, по мнению Бжезинского, эта маловероятная гипотеза могла бы реализоваться «в случае, если остановится процесс европейского объединения»¹¹ и отношения между Европой и Америкой серьёзно ухудшатся: «Фактически в случае реализации последней из упомянутых возможностей можно представить, что произойдёт налаживание взаимопонимания между Европой и Россией с целью выдавливания Америки с континента»¹². Это невероятная гипотеза, которая потребовала бы грубых ошибок в европейской политике Америки и «резкой переориентации»¹³ со стороны крупных европейских государств. Отголосок этого тезиса, столь уверенного в американском влиянии в Европе, мы ощущаем в документе, опубликованном весной 2021 года Центром американского прогресса – институтом, связанным с окружением Хиллари Клинтон через

Джона Подесту, – где утверждается, что Вашингтон должен поощрять развитие европейских военных инициатив, а не сдерживать их, поскольку США в любом случае смогут блокировать антиамериканские отклонения.

Можно ли сказать, что в «Великой шахматной доске» Бжезинского есть недооценка перспектив китайского восхождения? И да, и нет. С одной стороны, верно, что рассматривается перспектива восхождения Китая лишь как региональной, но ещё не глобальной державы, и выдвигается гипотеза о его кооптировании в западный порядок. Но анахронизма следует избегать: книга написана в 1997 году и не раз выдвигает перспективу поколения.

Действительно, доминирующим вопросом является не Китай, а окружение России с запада, востока и юга, чтобы предотвратить её возрождение в качестве имперской державы. В свете войны 2003 года и кризиса 2008 года можно констатировать, что основы гегемонии США, которые Бжезинский считает неоспоримыми, будут подорваны раньше, чем ожидалось, по мере относительно американского упадка.

Правда, в конечном итоге, пропорции восхождения Китая и ход украинского кризиса, который толкает Москву в сторону Пекина, свидетельствуют именно о приближении большого непредвиденного результата в реализации замысла Бжезинского по Украине. Возможно, доказательство этого можно найти во вспышке войны, как предполагает его обращение в 2014 году к концепции финляндизации, и, конечно, в стремлении к сближению России и Китая, которое Бжезинский считал самой большой стратегической угрозой.

Поставленная в вынужденное положение, Россия отреагировала противоположно тому, на что были направлены манипуляции Бжезинского. В этом смысле Кассандра Киссинджер был дважды прав, когда в 2014 году предупреждал, что русских не следует загонять в угол и заставлять демонстрировать то, на что они способны. И когда он сегодня задаётся вопросом, не ведёт ли война на Украине к опасности превратить Россию в продолжение Азии перед лицом Европы и Запада. Факты разворачивались в соответствии с предначертанным Бжезинским направлением; корреляции между этими фактами в их непредвиденных результатах подтверждали оговорки Киссинджера. Отпечаток обеих школ мысли можно увидеть в двойственности администрации Байдена.

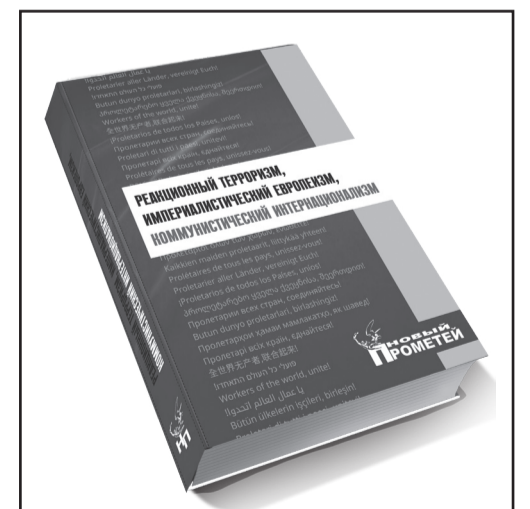
Можно почувствовать своего рода отчаянное признание бессилия в тезисах де Монбриаля, изложенных для «Рамзеса», где он отмечает, что в украинской войне европейцам не удалось избежать давления Вашингтона, хотя смысл американского направления является ясным. Более того, параллелограмм сил не только осложнён множеством центров силы многополярности, но и быстро меняется под давлением неравномерного развития. Американский империализм всегда сопротивлялся европейскому единству и тем более эксклюзивному союзу между Европой и Россией, но вторжение китайского империализма меняет глобальное уравнение сил и делает Пекин реальным стратегическим соперником. У европейского империализма не было выбора, кроме как пойти на поводу у атлантического момента, по-

рождённого войной и опирающегося на проамериканский тропизм Польши и стран Балтии, но линия рейнской Европы, которая в отношении России и особенно Китая нашла бы место для стратегической автономии Старого континента, остаётся в отложенном состоянии. Российский империализм полагал, что приведение Китаем в движение глобальных тектонических создаст условия для быстрого вторжения в Украину, но последовавшая за этим долгая война на истощение, похоже, обнажила его глубинную слабость. Украинский национализм расколот: западную часть, которая стремилась к интеграции в европейский империализм и к атлантической связи, и восточную часть, которая обратилась к российскому империализму. Китайский империализм укрепляет хватку своих властей в преддверии «решающего десятилетия» во всемирном противостоянии, как мы видели на примере XX съезда КПК и третьего срока Си Цзиньпина, но российская вылазка неожиданно и нежелательно ускорила темпы кризиса порядка.

Неравномерное развитие делает невозможным поддержание стабильного порядка; рано или поздно война станет проверкой нового соотношения сил. Как уже было написано о мировом конфликте 1914 года, вполне вероятно, что лидеры воюющих держав подойдут к нему как «лунарики»¹⁴.

Октябрь 2022 г.

- 1 – Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. 1999. С. 121.
- 2 – Там же. С. 122.
- 3 – Там же. С. 126.
- 4 – Там же. С. 126–127.
- 5 – Там же. С. 128.
- 6 – Там же.
- 7 – Там же. С. 129.
- 8 – Там же. С. 133.
- 9 – Там же. С. 139.
- 10 – Там же. С. 143.
- 11 – Там же. С. 72.
- 12 – Там же. С. 72–73.
- 13 – Там же. С. 73.
- 14 – Франция, август 1914 года: Священный союз // Пролетарский интернационализм № 72. Август 2020.

**Реакционный терроризм,
империалистический
европеизм, коммунистический
интернационализм**

272 стр., твердый переплёт,
примечания, биографический
справочник
ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Лондон призван к порядку

Мировая экономика дрейфует между глобальным спадом, большими территориями рецессии, самой высокой почти за 40 лет инфляцией, российско-украинской войной и угрозами эскалации, которые вызывают столбняк у Европы. Такова типичная картина, которую в своих октябрьских отчётах и на конференциях рисует Международный валютный фонд (МВФ), тем не менее он по-прежнему предсказывает положительный, хотя и снижающийся, рост для крупных экономических зон и пик инфляции в конце года, за которым последует её медленное снижение.

МВФ считает, что темпы роста мировой экономики в 2022 году составят 3,2 %, а в 2023 году – 2,7 % МВП. Оценки же Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирной торговой организации (ВТО) несколько ниже: соответственно 3 и 2,2 % МВП для 2022 года и 2,8 и 2,3 % МВП для 2023-го. Как видим, теперь прогнозируемые показатели снижены вдвое по сравнению с показателями, характеризующими сильное восстановление 2021 года (+6 %). Основные полюсы империализма определённо теряют свой импульс. В США темпы роста за трёхлетний период 2021–2023 гг. составят соответственно 5,7; 1,6; 1,0 % ВВП; еврозоны – 5,2; 3,1; 0,5 % ВВП. В еврозоне основные производственные центры впадают в рецессию: в Германии рост составит – 2,6; 1,5; 0,3 % ВВП; в Италии – 6,6; 3,2; 0,2 % ВВП. Китай в этот раз не достигнет своей цели в 5,5 % роста ВВП: 8,1; 3,2; 4,4 % ВВП. По оценке МВФ, опубликованной в *“World Economic Outlook”*, в период с 2022 по 2023 год одна треть мировой экономики будет сокращаться как минимум в течение двух кварталов. Рост мировой торговли товарами и услугами, составивший 10,1 % в 2021 году, снизится в 2022 году до 4,3 %, а в 2023 году до 2,5 %. По оценке ВТО, рост мировой торговли товарами в 2021–2023 годах замедлится до застойного уровня: 9,7; 3,5 и 1,0 %.

Будут расти социальное недовольство, стоимость жизни, неуверенность наёмных работников. Этим попытаются воспользоваться популистские партии. Для реформистов без реформ альтернатива будет лежать между повышением эффективности и перевооружением империалистического государства или конкуренцией с популистской и националистической демагогией.

Война, инфляция, ключевые ставки, пандемия

Война уже привела к тому, что во II квартале этого года мировой цикл падения затянулся (–0,1 % МВП). Еврозона осталась на плаву во многом лишь благодаря восстановлению туризма в странах Средиземноморья. С момента начала войны есть две причины, которые подпитывают сокращение экономики. На востоке война России и Украины ускорила и распространила очень быстрый рост цен на энергоносители. На западе быстрое повышение ставок Федеральной резервной системой США (ФРС), а затем и другими центральными банками, вернуло ситуацию к ортодоксальному состоянию после эры глобализированных рынков, функционировавших в условиях полностью свободной рыночной конкуренции, которая десятилетиями удерживала цены под контролем; тем временем центральные банки стали основными покупателями государственных облигаций, пытаясь снизить стоимость денег и долга. Третий фактор рецессии – пандемия, – доминировавший в 2020 году, находится в фазе затишья, но всё ещё не искоренён: непрекращающаяся битва Пекина против Covid, сопровождающаяся многочисленными локдаунами, в том числе в Шанхае, наряду с серьёзным кризисом в секторе недвижимости, лежит в основе падения китайского ВВП на 2,6 % во II квартале, при этом производительность рухнула до 76 % от прежнего уровня.

Уровень мировой инфляции в 2022 году составит 8,8 %, что вдвое больше, чем

в 2021 году; он упадёт до 6,5 % в 2023 году и до 4,2 % в 2024-м. МВФ заявляет, что в течение года ужесточение монетарной политики может достичь пика и повлиять на “реальную экономику”, вплоть до того, что вызовет рецессию, в то время как для ощутимого воздействия на цены потребуется три-четыре года. По оценкам МВФ, инфляция в Соединённых Штатах будет падать быстрее, чем в Европе: с 8,1 до 3,5 % в 2023 году в США; с 8,3 до 5,7 % в еврозоне.

Разворот ЕЦБ

В первой половине года Европейский центральный банк (ЕЦБ) противостоял ФРС, начавшей повышать ключевую ставку в марте, с помощью тезисов о “двух инфляциях” и “двух рынках труда”. В сентябре председатель ЕЦБ Кристин Лагард снова заявила: *«Инфляция в Соединённых Штатах в значительной степени определяется спросом. В зоне евро она в значительной степени обусловлена предложением. [...] В США мы видим “перегретый” рынок, где соотношение между числом вакансий и безработных составляет 2 к 1, тогда как в зоне евро в целом оно составляет 0,3 к 1»*. Инфляция в США за пять кварталов (между II кварталом 2021 года и II кварталом 2022 года) превысила инфляцию в еврозоне. Показатели США: 4,8; 5,3; 6,7; 8,0; 7,6 %, еврозоны: 1,8; 2,8; 4,6; 6,1; 7,5 %. Явная конвергенция, навязанная Европе вступившей в энергетическую войну Москвой, подтолкнула ЕЦБ пойти по стопам ФРС, то есть сделать выбор в пользу сокращения внутреннего спроса. В июле инфляция в еврозоне превысила инфляцию в США (8,9 против 8,5 %), а в сентябре достигла 10 против 8,2 %. В июле ЕЦБ принял решение о первом повышении ключевой ставки на 50 базисных пунктов (б. п.), доведя ставку, которая оставалась неизменной с 2016 года, до 0,50 %. Тем временем ФРС начала повышение на 225 б. п., доведя ставку до 2,25–2,50 %. В сентябре ФРС и ЕЦБ одобрили дальнейшее повышение ключевой ставки на 75 б. п.

Экономические последствия действий ФРС

Коррекция курса ЕЦБ была неизбежна. Ослабление евро по отношению к доллару и нарастающая инфляция в еврозоне угрожали подорвать доверие к нему и могли способствовать оттоку капитала. Первым следствием ужесточения монетарной политики ФРС стал сильный доллар. Многие эффекты, к которым привело установление нового уровня ключевых ставок, проявляются через взаимосвязь валют. К уже ведущейся “традиционной” войне добавляются монетарная, энергетическая и технологическая войны. Всемирный банк говорит о *«множественных кризисах»*. Марксистская школа помещает комбинацию кризисов в рамки динамики империализма. Арриго Черветто писал в 1967 году, комментируя девальвацию фунта стерлингов, произошедшую в том же году: *«Финансовое оружие необходимо в борьбе за захват и раздел мирового рынка [...] Финансовая война – это прелюдия и продолжение обычной войны, с которой она теснейшим образом связана, потому что они преследуют одни и те же цели»*¹.

С начала 2022 года доллар укрепился на 30 % по отношению к иене, на 16 % к евро, на 20 % к фунту стерлингов, на 10 % к швейцарскому франку и на 14 % к юаню. Чтобы защитить свои валюты, другие центральные банки также повышают свои ключевые ставки. По данным компании Pictet Wealth Management, базирующейся в Женеве, с января ключевые ставки по всему миру повышались 150 раз. Автор передовиц *Wall Street Journal* Пол Хэннон утверждает, что это *«самое масштабное и быстрое ужесточение монетарной политики в истории»*. Спаслись лишь несколько крупных банков: ЦБ Турции и России снизили свои ключевые ставки – первый сделал это, несмотря на инфляцию в 83 %, второй – в рамках режима военной экономики и регулируемых цен; Китай и Япония

сохранили свои ставки стабильными благодаря инфляции на уровне 2 %.

Интересен пример некоторых центральных банков Латинской Америки, которые, будучи научены опытом обесценивания и падения денежной массы, заранее инициировали монетарное сжатие: в Бразилии ставка составляет 13,75 %, в Чили – 10,75 %, в Мексике – 5 %. Бразильский реал, мексиканское песо и перуанский соль укрепились по отношению к доллару.

МВФ в кризисе фунта стерлингов

В своей совместной записке заместитель директора-распорядителя МВФ Гита Гопинат и главный экономист фонда Пьер-Оливье Гуриша вновь открывают размышления на тему дисбаланса, связанного с тем, что в качестве мировой валюты выступает доллар: доля США в мировом экспорте товаров упала после 2000 года с 12 до 8 %, но 40 % мирового экспорта по-прежнему оплачивается в долларах; половина трансграничного кредитования и глобальных долговых ценных бумаг также номинированы в долларах. Каждое изменение стоимости доллара влияет на эти массы товаров и капиталов.

Первый крупный кризис, вызванный новым сильным долларом, ударил по Лондону, где “ученики чародея” из новорождённого правительства тори приняли эксцентричную линию в отношении общего ужесточения (осуществлённого самим Банком Англии) налогового пакета в стиле Тэтчер, решив снизить налоги на самых богатых получателей доходов на 45 млрд фунтов стерлингов и выпустить новые долговые обязательства на 70 млрд фунтов стерлингов. Финансировать же британское tax cut и политику, которая в 1980-х годах сопроваждалась стремительным подъёмом либеристского цикла при поддержке нефти Северного моря, были призваны рынки, но сегодня под тяжестью крупных долгов эта политика становится разрушительной странностью. Рынки сказали “нет”, и произошли крупные продажи фунтов стерлингов и золотообрезных ценных бумаг. Через два дня фунт стерлингов упал, едва не достигнув паритета с долларом.

В ночь с 27 на 28 сентября на сцену, словно deus ex machina, вышел МВФ с заявлением, адресованным Лондону: *«Мы не рекомендуем больше и нецелесообразные пакеты на данном этапе, поскольку важно, чтобы фискальная политика не препятствовала реализации монетарной политики. Кроме того, характер мер, предпринятых Великобританией, вероятно, приведёт к увеличению неравенства»*. Отсюда и призыв к правительству *«пересмотреть налоговые меры, особенно те, которые приносят пользу лицам с высокими доходами»*. Эта публичная и в чём-то даже жестокая интервенция преследовала две цели: во-первых, погасить кризис в Сити, где проявились ростки паники пенсионных фондов, управляющих 1,7 трлн фунтов стерлингов (стабильность активов этих фондов опирается на золотообрезные ценные бумаги казначейства, и пожар в Сити поджог бы все рынки); во-вторых, было необходимо противодействовать фискальной политике, которая в конечном итоге помешала бы борьбе с инфляцией. Обращение МВФ вызвало немедленную интервенцию в защиту фунта стерлингов со стороны Банка Англии, купившего облигаций на сумму 65 млрд фунтов стерлингов. Четырёхнедельная фибрилляция вынудила уйти в отставку сначала канцлера казначейства Квизи Квартенга, а затем премьер-министра Лиз Трасс.

Магическое мышление не поможет разорвать цепь британских кризисов, начавшихся с брексит. Все те узлы, которые Черветто обнаружил ещё во время кризиса фунта стерлингов 1976 года, сохраняются и поныне. Во-первых, это узел британских государственных расходов в контексте межимпериалистического столкновения: *«Вашингтон и Бонн никоим образом не хотят продолжать финансировать государственные расходы Лондона»*². Однако Чер-

ветто отмечал, что Лондон, как и Париж, является частью более общего баланса сил. Во-вторых, Лондон *«не может играть мировую иначе как часть Европы»*³. Подтверждение этому мы находим в кейсе Брексита. Сегодня мы получили ещё одно подтверждение того, что совразнизм – это подлый кот, который иногда подпрыгивает, но уже не воскресает.

Сегодняшний кейс поднимает вопрос о роли МВФ в британских кризисах. Эссе двух британских экономистов Бена Клифта и Джима Томлинсона, опубликованное Уорикским университетом, иллюстрирует некоторые из многих послевоенных вмешательств МВФ в поддержку отступающей Британской империи и формы тех условий, которые ставились Лондоном. Этот вопрос уже поднимался в Бреттон-Вудсе, когда Кейнс выступил против просьбы США об установлении определённых условий для тех, кто хотел получить кредиты фонда, и потребовал автоматического доступа к ним. Лондон получал безусловные кредиты МВФ в 1947 и 1948 годах, но в 1952 году (с введением Договорённостей о кредите “стэнд-бай”) появился ряд условий. В середине 1960-х годов были введены “письма о намерениях” с обязательствами, критериями оценки и количественными целями.

Условия Международного валютного фонда

Первым решающим испытанием этого процесса стал Суэцкий кризис. Был согласован кредит в размере 561 млн долларов и резервная кредитная линия на 739 млн долларов. *«Условием соглашения было согласие Великобритании на вывод своих войск из Египта»*. Историк МВФ Джеймс Бутон предполагает, что роль МВФ в этом случае была довольно умеренной. Осада премьер-министра и канцлера казначейства Гарольда Макмиллана была проведена в основном при помощи Генеральной Ассамблеи ООН, отдавшей приказ о прекращении огня и выводе войск из Египта по предложению американцев (а именно секретаря казначейства США при администрации Эйзенхауэра Джорджа Хамфри), которые отказались подписать двустороннее соглашение с Лондоном и пообещали поддержку со стороны Вашингтона только в том случае, если Великобритания будет *«подчиняться требованиям Организации Объединённых Наций, а не бросать ей вызов»*, и финансовых рынков, стремящихся узнать, сможет ли Лондон сохранить свой обменный курс на уровне 2,8 доллара за фунт стерлингов, потратив свои резервы во время Суэцкого кризиса.

Макмиллан попытался согласовать принятие лишь половины резолюции (то есть перемирия), но ему пришлось уступить по всем направлениям и объявить о выводе войск накануне своего выступления о состоянии британских финансов. Кредиты МВФ были жизненно важны для поддержания обменного курса фунта стерлингов и были предоставлены в нарушение правила, согласно которому МВФ не мог предоставлять ссуды для покрытия оттока капитала. Клифт и Томлинсон пишут, что мощнейшее экономическое оружие Британии в то время заключалось в том, что более половины международной торговли по-прежнему осуществлялось в фунтах стерлингов. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы избежать навязывания условий со стороны нового гегемона.

После 1965 года МВФ будет играть всё более непосредственную роль в переговорах с Лондоном и будет всё менее и менее склонен признавать его исключительное положение.

Октябрь 2022 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. В 2 т. Том 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 264.

2 – Там же. С. 449.

3 – Там же. С. 471.

Европейские хроники

Рим на Темзе

Двадцатого октября, проработав в правительстве всего 45 дней, премьер-министр Великобритании Лиз Трасс была вынуждена объявить о своей отставке, оказавшись в осаде со стороны рынков. Всего за неделю до этого она тщетно пыталась избежать унижения и не стать премьер-министром с самым коротким сроком полномочий в истории британского парламента, уволив своего канцлера казначейства (министра финансов) и полностью отказавшись от своей экономической политики. Отколовшись от одного из крупнейших экономических блоков в мире, Соединённое Королевство переживает опыт противостояния ветрам глобальных морей в одиночку и плывёт против течения. Этот взрыв произошёл с беспрецедентной скоростью.

Лиз и Квази за штурвалом

Рынки утратили веру в новое британское правительство, и это произошло прежде всего из-за легкомыслия, с которым новая команда, придя к власти, обошла все независимые средства контроля над государственными финансами и уже в пятницу 23 сентября объявила о «мини-бюджете» – ещё более радикальном плане снижения налогов, чем тот, что был обещан в ходе предвыборной кампании этим летом. Тогда Трасс завоевала лидерство в Консервативной партии, представив себя как Маргарет Тэтчер 2.0 и утверждая, что лучший способ стимулировать рост и «воспользоваться свободами Брексита» – это снизить налоги.

Прежде чем представить свой знаменитый «мини-бюджет», канцлер казначейства Квази Квартенг (единственный ребёнок в семье матери-юриста и отца-экономиста, эмигрировавших из Ганы в Лондон в 1960-х годах) уже объявил о плане помощи, чтобы сдержать цены на электроэнергию. Стоимость этого плана оценивалась в сумму от 100 до 150 млрд фунтов стерлингов за два года, что составляет примерно от 4 до 7 % ВВП страны. Затем Квартенг уволил высшее должностное лицо казначейства, которое считалось слишком ортодоксальным с экономической точки зрения. Не соизволив предоставить какое-либо обоснование для финансирования снижения налогов, эквивалентного 2 % ВВП, Квартенг отказался от оценки своих налоговых планов со стороны Управления по бюджетной ответственности (независимого института, отвечающего за контроль над государственными финансами). Бывший студент элитного Итонского колледжа, имеющий в кармане докторскую степень по экономической истории, полученную в Кембриджском университете, возможно, должен был знать, что это не лучшая идея в тот самый момент, когда финансовые рынки уже пребывают в напряжении.

В другой статье этого номера нашей газеты («Лондон призван к порядку») мы более подробно объясняем, как массовая распродажа фунтов стерлингов и золотообрезных ценных бумаг (британских государственных облигаций) вызвала серьёзные предупреждения со стороны Международного валютного фонда и интервенцию британского центрального банка 28 сентября. Две с половиной недели спустя (14 октября) Квартенг был отстранён от должности. Отказавшись продлить экстренную программу

покупки облигаций после пятницы 14 октября, управляющий центральным банком фактически установил крайний срок, после которого правительство оказалось бы полностью подвержено штормам на финансовых рынках. Даже назначив Джереми Ханта, бывшего министра иностранных дел (2018–2019) и здравоохранения (2012–2018), который выступал против Брексита в 2016 году, новым канцлером казначейства, Трасс не смогла гарантировать своё политическое выживание. Вмешательство монетарной власти предотвратило дальнейшее отклонение от генеральной линии буржуазии, даже если политическое нарушение равновесия, связанное с Брекситом, всё ещё сохраняется.

«Британия освобождённая»

Трасс и Квартенг были среди консервативных парламентариев, написавших книги «After the Coalition» (2011) и «Britannia Unchained» (2012). Последний текст позволяет нам лучше всего понять их образ мышления: в нём они заявляют, что 1970-е годы – это «низшая точка британского упадка», но утверждают, что благодаря реформам Маргарет Тэтчер 1980-х годов «конкуренция была вновь введена в экономику», что объясняет экономический успех Великобритании в период с 1995 по 2007 год.

Все пятеро авторов книги «Britannia Unchained» вошли в парламент в 2010 году, а затем основали Free Enterprise Group в партии тори. По данным консервативной газеты *Times*, эти депутаты были близки к Institute of Economic Affairs – мозговому центру, основанному в 1955 году для распространения монетаристских теорий Фридриха фон Хайека и ставшему базовым лагерем для правого течения Тэтчер внутри партии. Трасс, происходящая из семьи левых, вступила в Консервативную партию в 1996 году, после учёбы в Оксфордском университете, где она принадлежала к либерал-демократам, и затем стала основателем группы, членом которой был Квартенг.

На референдуме по Брекситу 2016 года Квартенг с самого начала поддерживал идею выхода из ЕС, а Трасс, тогдашний министр окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства в правительстве Дэвида Кэмерона, поддерживала кампанию «Остаться». Позже Трасс превратится в убеждённого «брекситера». Трасс и Квартенг были среди тех министров кабинета Джонсона, которые полностью поддержали его, когда он был свергнут в июле.

Момент славы Трасс и Квартенга наступил в начале сентября, когда первая была избрана членами Консервативной партии вместо Джонсона, а второй стал канцлером казначейства. Члены этого дуэта, казалось, думали, что находятся в конце 1970-х годов, могут перевоплотиться в Маргарет Тэтчер и героически взять на себя бремя дерегулирования, снижения налогов и разрушения власти профсоюзов. Столкновение с реальностью было жестоким. Их программа заключалась не только в отрицании того факта, что Великобритания более не может навязать себя рынкам, но и шла против течения, потому что сегодня перспектива совершенно не та, что была в 1980-х годах, когда рынки требовали больше либеризма. Эскалация борьбы между великими державами подпитывает новый цикл

РЕАКЦИЯ ПРЕССЫ

Ведущие британские СМИ, такие как *Financial Times*, *The Economist*, *Times* и *Guardian*, с самого начала критиковали Лиз Трасс и её экономическую политику. То же самое делал и самый важный левый таблоид *Daily Mirror*. Все эти газеты (за исключением *Times*) призывали к новым выборам. Опросы предсказывали колоссальную победу лейбористов, чей лидер Кейр Стармер тщательно культивирует образ ответственного государственника, напоминающий Тони Блэра. Таблоиды правых евроскептиков, такие как *The Sun* и *Daily Mail* (две платные газеты с самыми большими тиражами в стране: 1,2 млн и 900 тыс. экземпляров соответственно), поддержали Трасс и высказались за «мини-бюджет». То же самое сделала газета *Daily Telegraph*, которая поддерживает Консервативную партию и Брексит и в которой обозревателем был Борис Джонсон. В день презентации «мини-бюджета» *Daily Mail* вышла с заголовком «Наконец-то! Настоящий бюджет тори», но после краха Трасс эти газеты «брекситерс» обновили свои аргументы, правда, не подвергая сомнению свои убеждения.

«*«Римейнер»*, взбодрившиеся союзники [лейбористов], уже абсурдно заявляют по телевидению и радио, что Брексит «провалился» менее чем через два года после окончательного выхода из ЕС, как будто не было ковида и войны на Украине. [...] Трасс не ошиблась, указав на двойную проблему слабого роста и нашего налогового бремени, находящегося на самом высоком уровне за 70 лет. [...] Мы не ожидали, что цунами внезапно разразится именно в тот момент, когда рынки уже находятся в смятении, и без консультаций [с кем-либо]».

The Sun, 21 октября.

«*Mail возлагала на неё большие надежды, когда [Трасс] пообещала быть знаменосцем консерватизма и выступила в пользу низких налогов, сокращения государственного вмешательства и ускорения роста [...]. Но избиратели обвинили в обвале финансовых рынков её неудачный мини-бюджет, а не мировые события. [...] В результате своих тщательно спланированных ходов фракция анти-Борис и анти-Трасс – в основном состоящая из «римейнерс» – поставила в партию своих людей [...]. Как неоднократно заявляла наша газета, партия совершила трагическую ошибку, свергнув Бориса Джонсона. При всех его недостатках он был уникальным человеком в современной британской политике, человеком, который смог достучаться до людей вне своей партии благодаря своему оптимизму, своей энергии, своему видению».*

Daily Mail, 21 октября.

«*Мы должны отдать должное [Трасс] за то, что на первый план в политических дебатах вышла программа снижения налогов и роли государства. Её анализ проблем страны был правильным. [...] Трагедия миссис Трасс заключалась в том, что она до такой степени плохо управляла реализацией [этой программы], что напугала рынки».*

The Daily Telegraph, 21 октября.

государственного интервенционизма и тенденции к протекционизму.

«Суэц экономической политики»

«*Британия как бывшая сверхдержава колеблется между гордостью и отчаянием*», – написал 3 сентября в *Financial Times* Саймон Купер. Учитывая, что «производительность [в стране], за исключением Лондона, находится на уровне Южной Италии» и тот факт, что произошло «самовольное изнание Соединённого Королевства из крупнейшей зоны свободной торговли», у британских регионов нет чёткой долгосрочной экономической стратегии. Хотя страна вышла из ЕС только в конце января 2020 года и оставалась в рамках единого рынка и таможенного союза до 2021 года, неопределённость, созданная Брекситом, не осталась без последствий после референдума 2016 года. В исследовании, опубликованном 9 июня, Джон Спрингфорд из мозгового центра Centre for European Reform оценивает экономические потери, вызванные Брекситом, в 5,2 % ВВП при снижении инвестиций на 13,7 % и сокращении торговли товарами на 13,6 % ВВП. Ещё до Брексита Великобритания изо всех сил пыталась восстановить свою экономику после финансового кризиса 2007 года. В период с 2007 по 2018 год реальная покупательная способность британской семьи со средним доходом снизилась на 2 %, в то время как во Франции она выросла на 34 %, а в Германии – на 27 % (Resolution Foundation, «*Living Standards Audit*», 2022).

И прошлые сверхдержавы, и сегодняшнее региональное разнообразие Великобритании хорошо отражены в образе, созданном Дунканом Уэлдо-

ном в его книге 2022 года по экономической истории Соединённого Королевства «*Two Hundred Years of Muddling Through*». Автор пишет, что Англия в 1914 году всё ещё занимала «роли, которые Китай, США и Саудовская Аравия игранут в нынешнем цикле», как «лидер в производстве экспортруемых товаров, центр международных финансов и крупнейший нетто-экспортёр энергии в мире» (благодаря своим угольным шахтам). Однако сегодня страну можно охарактеризовать как «*Португалию с Сингапуром в нижнем углу*». По словам Джонатана Фридланда, этот образ также наводит на размышления, призванные подчеркнуть «иллюзию суверенитета», в которую впали британские политики. Обозреватель *The Guardian* пишет, что «суверенитет связывал не ЕС, но финансовые рынки». Их вердикт был «*таким же обязательным, как указ Брюсселя, [...] они приказали уволить канцлера всего через 38 дней пребывания в должности и отменить экономическую стратегию правительства*».

За высокомерием Трасс последовал час отчаяния. «*Мини-бюджет*» Трасс и Квартенга был «*Суэцем экономической политики, катастрофическим актом воображаемого имперского суверенитета*», – пишет Фридланд; *The Economist* от 22 октября вышел с издательским заголовком «*Welcome to Britaly*» («Добро пожаловать в Британию»). Политическая нестабильность (за шесть лет сменились пять премьер-министров), проявляющаяся в сценарии экономической стагнации, подпитывает идею о том, что вместо Сингапура на Темзе Брексит породил Рим на Темзе.

Октябрь 2022 г.

Издательская новинка

Энергетические отношения и российские нарушения равновесия

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книги Донато Бьянки "La Russia in guerra nella crisi dell'ordine".

Новый век был ознаменован восхождением китайской империалистической державы в её двойном эффекте угрозы и возможности для Москвы. Последнее десятилетие привнесло элементы, которые скорее усугубляют, чем разрешают российскую дилемму: разрыв с Западом, воплощённый в санкциях, делает отношения Москвы с Китаем более возможными, но в то же время делает их более обязательными и обусловленными.

Эта реальность подпитывает дебаты и, предположительно, стратегическое мышление в Кремле. Учитывая, что дуализм между западниками и азиатистами является «конституирующим элементом российской идентичности», возникает вопрос: «в какой степени восхождение Азии изменит их взаимные пропорции»¹.

Путеводную нить в этих отношениях можно проследить на примере поставок российских энергоносителей. «Энергетическая стратегия 2030», разработанная в 2009 году, предусматривала экспорт 24 % нефти и 19 % газа в Азию к концу периода, по сравнению с 64 % и 54 % в Европу соответственно: «азиатский вектор», таким образом, имел скромный вес в планах Кремля.

В 2011 году был открыт китайский участок трубопровода ВСТО (Восточная Сибирь – Тихий океан), ответвление трубопровода к Тихому океану, нацеленного на Японию и Южную Корею: в 2021 году треть российского экспорта сырой нефти должна была осуществляться по ВСТО. В 2014 году, с обострением украинского кризиса и связанными с ним западными санкциями, в Азии вырос интерес и к экспорту газа: в том же году было подписано соглашение о строительстве «Силы Сибири», газопровода протяжённостью 4.000 км и мощностью 38 млрд кубометров в год, который начнёт действовать в 2019 году. В мае 2014 года мы прокомментировали это как «прозрачное» намерение Путина «подчеркнуть акт баланс, который открывает новый этап или, в любом случае, влияет на существовавшее до сих пор равновесие». Объёмы, поставленные на карту, означают, что «китайский трубопровод даст России пространство и рычаг для дозирования отношений с ЕС, но не заменит их», это «четвёртая дверь» на Восток в дополнение к трём дверям, которые «направлены на Запад»²: через Балтику, Украину и Чёрное море («Crisi dell'ordine e pandemia secolare», Ed. Lotta Comunista, 2021).

Сжиженный природный газ (СПГ), добываемый на арктическом полуострове Ямал частной группой «Новатэк» совместно с французской Total и китайской CNPC, также направляется в Поднебесную: первый груз отправился на СПГ-газовозах по арктическому маршруту в июле 2018 года.

Накануне нападения на Украину 24 февраля 2022 года ещё одно соглашение гарантировало Китаю поставки 10 миллиардов кубометров газа с дальневосточных месторождений, а в марте «Газпром» подписал контракт на проект «Союз Восток» («Сила Сибири – 2») – газопровод в Китай через

Монголию мощностью 50 миллиардов кубометров газа.

Само собой разумеется, что это проекты на будущее. В настоящее время мощность газопроводов в Европу почти в шесть раз превышает мощность единственного существующего газопровода в Китай «Сила Сибири» (220 против 38 миллиардов кубометров). Однако факт остаётся фактом: в апреле «Газпром» продал больше в Китай, чем в Европу, в основном из-за снижения поставок в последнюю. Что касается нефти, то майские данные Международного энергетического агентства (МЭА) демонстрируют, что 26 % российского экспорта ушло в Китай, 44 % – в Европу, в то время как доля экспорта в Индию резко возросла и теперь составляет почти 12 %, что в восемь раз больше, чем в прошлом году.

Энергетические отношения подтверждаются как ключевой элемент внешних связей России, но это также и другая сторона трудностей, возникающих при реструктуризации, когда «модернизация» часто начинается, но никогда не завершается.

Несколько моментов запечатлены в книге. В 2009 году, после финансового кризиса, в Москве появилась промышленная партия, намеревавшаяся бросить вызов экономическим трудностям, чтобы начать долгожданную «диверсификацию»: для этого «лучше пусть у нас будет два, три, пять лет трудностей»³, говорил тогда первый вице-премьер Игорь Шувалов, ныне президент государственного инвестиционного института ВЭБ.

В 2012 году, вступив на пост президента, Владимир Путин жаловался на уровень производительности труда в России, который составлял 40 % от немецкого (а надо сказать, даже ниже китайского), и на чрезмерный вес сырьевых ресурсов в экономике. Путин предлагал оживить промышленность, повысив её технологичность. Привилегированная роль отводилась военной промышленности: «Реиндустриализация с погонями»⁴ – так мы это называли. Промышленная партия вновь появилась в 2014 году, опять в лице Шувалова, который надеялся на достаточно длительный период санкций, чтобы стимулировать модернизацию.

В сентябре 2016 года, подводя итоги пятнадцати лет правления Путина, мы писали, что ему «удалось удержать сокровищницу российских энергоресурсов», но «ему не удалось окончательно решить задачу «модернизации» экономики»⁵, иными словами, сократить зависимость от нефти и газа.

Ситуация не сильно изменилась. В 1999 году можно было подсчитать, что нефть и газ обеспечивали 46 % экспорта и 47 % налоговых поступлений штата. В 2018 году этот же сектор весил 22 % ВВП и покрывал 60 % экспорта и 40 % бюджетных поступлений. В своей книге «В поисках энергии. Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики» (2019) Дэниел Ергин, один из ведущих экспертов по энергетике, писал, что Россия, имея диверсифицированную промышленность, не может считаться «нефтегосударством», как некоторые арабские страны, но обладает определёнными его характеристиками. К ним, безусловно, относится экономическая ди-

намика, которая почти дословно отражает колебания цен на углеводороды.

Поэтому постоянно звучат упреки в неспособности вырваться из этой зависимости. Фёдор Лукьянов, председатель Совета по внешней политике и обороне (СВОП), пишет, что мы слишком сильно остановились на модели «сырьё в обмен на всё остальное». Он признаёт, что такая страна, как Россия, не может не зависеть от сырья, но задаётся вопросом: «всё остальное мы приобретаем извне или развиваем ещё и другие сектора, а сырьё просто является основой?».

Это вопрос, который не раз звучал в Москве и на который до сих пор нет ответа. Перед лицом разрыва с Западом и сомнений в способности Китая заменить весь этот объём ввозимых товаров и капитала миф о «импортозамещении» внутренним производством появляется вновь, хотя присутствует чёткое понимание, что это импортозамещение не может обеспечить «стоцентную самодостаточность» («Бизнес Online», 19 июня). Более того, даже Сергей Караганов, Почётный Председатель Президиума СВОП, взывая к «Крепости России», напоминает: «Если бы Пётр I не торговал мехами из Сибири, он бы не смог вооружить русскую армию». Именно благодаря доходам от внешней торговли «на вырученные деньги покупались многие технологии, которые затем превращались в оружие и превращали нас в первоклассную суверенную державу» («Аргументы и факты», 16 июня).

К этим структурным нарушениям равновесия следует добавить ещё одно, которое гораздо сложнее решить: демографический упадок. Было предпринято много попыток решить эту проблему, которая, к тому же, является не только российской. Хотя некоторые результаты были достигнуты в отношении продолжительности жизни, которая возросла до 73 лет с 64-х в начале века, именно на фронте рождаемости битва кажется проигранной: даже при natalistской политике президентства Путина число детей на одну женщину не превысило 1,5 в 2019 году, до начала пандемии. Но реальная проблема заключается в том, что новые поколения потенциальных матерей сейчас сократились.

Проблема усугубилась из-за пандемии и неадекватного управления ею. Об этом речь в девятой главе данной книги: задержки, накопленные со временем российской службой здравоохранения, появление даже там «партии ВВП», больше озабоченной прибылью, чем здоровьем рабочих, последствия для нашего класса в виде вспышек инфекции, особенно среди вахтовиков, и безработица среди рабочих в наиболее пострадавших секторах.

Демографический спад сегодня затрагивает сами поколения рабочего класса, вызывая сокращение численности населения трудоспособного возраста. По оценкам Высшей школы экономики, в период с 2015 по 2030 год будет утрачена четверть трудоспособного населения в возрасте до 40 лет.

Последнее замечание касается политической формы российского империализма, обозначаемой термином «суверенная демократия». В современном прочтении оно понимается как синоним «авторитаризма», и нет сомнений,

что именно такой характер оно приняло, тем более в огне войны. С другой стороны, любая демократическая форма имеет в себе поле для «авторитарных» действий, когда она считает, что на карту поставлены жизненно важные национальные интересы. Сказав это, нельзя, однако, ограничивать констатацией этой очевидности.

Далее стоит посмотреть, когда и как родилась концепция суверенной демократии. Её теоретиком был Владислав Сурков, родившийся в Чечне под именем Асламбек Дудаев, сделавший карьеру в банковском секторе, а затем перешедший в политику в качестве советника президента, сначала Бориса Ельцина, а затем Владимира Путина, вплоть до разрыва в 2020 году. Именно в 2006 году он изложил свою доктрину, то есть после сезона так называемых «цветных революций» в различных странах бывшего СССР (Грузия 2003, Украина 2004, Кыргызстан 2005), которые были расценены в Москве как попытки спровоцировать смену режима в зоне российского влияния, если не в самой России. Из этой временной матрицы можно вывести связь суверенной демократии с внешней политикой: суверенная она, потому что не навязывается извне.

С точки зрения марксистской теории, мы находимся в поле «вариаций и градаций»⁶ демократии, своего рода российской империалистической демократии. Со стратегической точки зрения, это внутреннее лицо доктрины Путина, основанной на национальном суверенитете и праве каждой страны на собственный путь развития, о чём сам президент говорил на Петербургском форуме в 2019 году и повторил там же в 2022 году. Это политическая форма российского империалистического государства, ведущего сегодня войну за раздел Украины. И именно государство должно гарантировать эксплуатацию 65 миллионов наёмных работников, которые, как и их товарищи в западных метрополиях, всё чаще воздерживаются от участия в выборах, тем самым раскрывая их истинную природу как инструмента представительства буржуазных интересов.

Посредством этой формы российский правящий класс пытается утвердить свои империалистические интересы в эпоху беспрецедентной напряжённости, которая ещё впереди: с какими результатами – покажет время.

Октябрь 2022 г.

1 – Гражданская война, региональная война, опосредованная война и империалистическая война в условиях кризиса мирового порядка // Пролетарский интернационализм № 93. Май 2022.

2 – Российско-китайский газопровод удивляет США, уравнивает ЕС и предупреждает Азию // Вестник «Интернационалист» № 23. Июнь 2014.

3 – В условиях кризиса Москва вновь цепляется за «ближнее зарубежье» // Бюллетень «Интернационалист» № 90. Май 2009.

4 – Закаты и восходы Владимира Путина // Бюллетень «Интернационалист» № 125. Апрель 2012.

5 – Потерянные десятилетия российской модернизации // Пролетарский интернационализм № 26. Октябрь 2022.

6 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 354.

Российские хроники

Стратегические расчёты и экономические реалии

Начатая Кремлём 24 февраля «специальная военная операция» переходит в новую фазу и приобретает характер войны на истощение. Чем больше будет затягиваться конфликт, тем большее значение в нём будет иметь сила промышленных аппаратов. Москва постоянно заявляет о ставке на импортозамещение, но экономические реалии ставят её перед лицом необходимости поиска сотрудничества с Пекином, Анкарой, Тегераном и другими столицами унитарного империализма.

18 апреля «Ведомости» сообщили, что введённые против России санкции затронули в стоимостном выражении около 80 % всего экспорта, который с учётом смежных отраслей формирует до половины доходов федерального бюджета и напрямую обеспечивает порядка 13 % рабочих мест. Являясь частью глобального рынка, российская экономика сильно зависит от импорта. Его доля превышает 50 % в конечном потреблении в текстильной продукции, фармацевтике, электрооборудовании и 70 % в части высокотехнологичной продукции (серверы, вычислительные мощности, чипы). По подсчётам *The Economist*, в марте – апреле из ЕС, Китая, США, Японии и Южной Кореи (основные торговые партнёры России) импорт в стоимостном выражении сократился на 44 %. Тем самым, экономике сейчас приходится работать на старых запасах. Добавим, об уходе из России объявили сотни компаний, а разрыв логистических цепочек сделал невозможным деятельность тысяч других. При этом президент РФ Владимир Путин видит в санкциях повод для оптимизма. В ходе I Евразийского экономического форума он заявил, что «от этого станем только сильнее».

Время покажет, удастся ли российскому империализму в условиях текущего военно-политического кризиса и фактического разрыва с Западом совершить модернизационный промышленный рывок, о необходимости которого в Кремле с завидной регулярностью говорят с начала этого тысячелетия. Пока же ограничимся рассмотрением лишь некоторых аспектов того, как в текущих условиях складываются отношения Москвы с Пекином и Анкарой.

«Ничего личного, это просто бизнес»

Эту фразу приписывают «еврейскому арифмометру» Отто Берману, бухгалтеру американской мафии 30-х годов прошлого века. Китайский частный капитал, что не удивительно, ведёт себя в России именно по этому принципу.

На сайте «Циан» появилось объявление о сдаче в аренду офиса в московском бизнес-центре «Крылатские холмы»: сообщается, что помещение освободится к 1 февраля 2023 года. На данный момент арендатором офиса является китайский гигант Huawei. Чтобы избежать вторичных санкций, компания прекращает работу в России и переводит сотрудников подразделения в Казахстан и Узбекистан. Закрываются магазины, прекращаются поставки товаров этого бренда. Освободившиеся на рынке место занимают менее известные производители из Поднебесной, «не обременённые обилием связей с западной экономикой и финансовой системой» (*The Moscow Times*, 08.08.2022), или же товары российской сборки из китайских комплектующих. Доля китайских автомобилей в продажах автодилеров достигла рекордных 24 %, уступая лишь продукции АвтоВАЗа. Тем не менее совокупный импорт в

Россию остаётся существенно ниже довоенного: в июле его падение составило 30 % год к году, оценивает главный экономист Альфа-банка Наталия Орлова.

Это один из знаков времени. В условиях гибридной войны между Россией и Западом китайские группы, на которые в условиях «экзистенциального» противостояния рассчитывал Кремль, ведут себя отнюдь не как белые рыцари, а как прагматичные капиталисты: европейский и американский рынок для них гораздо интереснее.

О реальном состоянии российского «поворота на Восток» говорит и тот факт, что по итогам первого полугодия 2022 года объём китайских инвестиций в РФ по инициативе «нового шёлкового пути» оказался нулевым. Впрочем, незначительным он был и год назад: за тот же период прошлого года инвестиции были близки к 2 млрд долларов. Более того, с момента аннексии Крыма прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из Китая в РФ не только не выросли, но даже, как свидетельствуют данные ЦБ РФ, сократились: из 4,5 млрд долларов к 1 октября 2021 года (последний доступный период статистики) осталось 3 млрд – ничтожная сумма, составляющая 0,5 % от всех ПИИ в России. Маловато для стратегических партнёров. «Если пересчитать те проекты в России, где реально участвовали крупные китайские инвесторы, то хватит пальцев одной руки», – жалуется министр по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексей Чекунков (*Regnum*, 13.07.2022).

В то же время экспорт китайских полупроводников в Россию с марта по июнь этого года увеличился на 209 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. Но, как пишет 17 октября «Коммерсантъ», 40 % чипов, закупленных после начала войны на Украине и прекращения официальных поставок, оказались бракованными. До этого доля брака из Китая не превышала 2 %. Топ-менеджер крупного российского производителя электроники видит причину в том, что закупки идут у неавторизованных поставщиков, которые не отвечают за качество. По словам же директора по производству и развитию F+ tech Евгения Кривошеева, дефицит и ограничения на поставку компонентов увеличили число желающих избавиться от неликвидов.

Экономика не приоритет

Очевидно, что, хотя экономика и имеет крайне важное значение в российско-китайских отношениях – в 2021 году торговля между Москвой и Пекином достигла 140 млрд долларов, – не она играет ключевую роль. Одним из результатов российского вторжения на Украину стало ускорение темпов кризиса порядка. В этих условиях, как пишет ведущий аналитик Института китайского исследования им. Меркатора Хелена Легарда, «Россия стала необходимым для реализации китайских амбиций партнёром. С геополитической точки зрения, Пекин не видит другого выхода, кроме как защитить свои отношения с Москвой. Он всё больше готов нести финансовые и репутационные издержки ради достижения своих больших стратегических целей». Но как бы то ни было, «границы российско-китайских отношений определяются стратегическими интересами Пекина. Пока они не будут затрагивать стратегические интересы Китая и вопрос нахождения партии у власти, Пекин будет поддерживать связи с Москвой». Поскольку для Пекина «экономика уже не является

приоритетом», «вбить клин в отношения между Россией и Китаем – не очень реалистичная идея» (*El País*, 02.11.2022).

Понимают это и в Москве. «Россия и Китай сходятся в своих подходах к целому ряду важнейших вопросов международной безопасности и развития», и это «совпадение интересов», по мнению генерального директора РСМД Андрея Кортунова, «представляет собой прочную основу для долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами» (*GlobalBrief*, 12.09.2022).

Капалы-чарши для Третьего Рима

Крупнейший стамбульский рынок Гранд-базар начал возводиться при султани Мехмеде II Завоевателе, сразу после взятия Константинополя в 1453 году. В османский период на базаре занимались не только торговлей, но и экономическими и финансовыми операциями, здесь работали банки, существовала биржа. До середины XIX века Капалы-чарши был центром работоторговли.

Падение Константинополя, а ещё в большей мере подписанная в 1439 году Флорентийская уния, пошатнули в глазах Москвы сначала духовное, а затем и политическое влияние Византии. В двух посланиях конца 1523 – начала 1524 года старец псковского Елеазарова монашья Филофей затронул проблему распространения «не только среди мирян» мужеложства, а также изложил концепцию Москвы – Третьего Рима: «первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвёртому не бывать».

И вот, ирония судьбы, в условиях санкций стамбульский базар становится для «Русского мира» своеобразной сублимацией добровольно закрытого окна в Европу. Турция в начале лета оказалась единственной страной, которая продемонстрировала положительную динамику в торговле с РФ: по отношению к июню 2021-го её показатели выросли на 46 %. О значительном падении экспорта в Россию сообщили Китай, Тайвань, Вьетнам, Южная Корея, Япония, Таиланд, Малайзия. При этом Турция, занимавшая в прошлом году лишь десятое место среди крупнейших экспортёров в РФ, увеличила на 40 % экспорт оборудования и механических устройств, на 15 % – электрических машин и оборудования, на 35 % – наземного транспорта и его компонентов, на 4 % – пластмасс и пластиковых изделий.

Параллельно Москва стала главным импортёром Анкары, опередив даже Китай. В первом полугодии на РФ пришлось 16 % всех ввезённых в Турцию иностранных товаров, при этом более 60 % российских поставок в страну – это нефть и газ.

Промышленный гигант на Босфоре

По словам руководителя одного из направлений в Центре макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Дмитрия Белоусова, «в последние десятилетия у России под боком возникла промышленная держава, готовая производить огромное количество индустриальной продукции. Представление об отсталой Турции, которая еле выживает и экспортирует только строителей – это картина мира середины 80-х годов». В подтверждение данного тезиса в контексте украинской войны достаточно вспомнить о турецких БПЛА Bayraktar. При этом Белоусов допускает, что рост экспорта был достигнут не только за счёт произведённых в Турции товаров. Анкара «стала для предпринима-

телей довольно крупным хабом, через неё идут большие потоки товаров. И конечно, надо понимать, что турки – великоленные торговцы, поэтому для них сложившаяся ситуация является почти идеальной» (РБК, 30.07.2022). Но в то же самое время, по словам российских импортёров, турецкие компании отказываются ввозить в Россию подсанкционную высокотехнологичную продукцию вроде полупроводников, транзисторов, авиазапчастей.

Особая роль Анкары

Турция является единственной страной НАТО, не присоединившейся к санкциям против России. Уже этот факт говорит об особом положении Анкары. Ещё до начала войны на Украине российские эксперты обращали внимание на «стремление Р. Т. Эрдогана стать одним из ключевых акторов в украинской игре – таким игроком, без которого любая реконфигурация в Черноморье была бы если не невозможной, то маловероятной» (РСМД, 9.02.2022). Бурханеттин Дуран, генеральный координатор аналитического центра SETA, близкого к президенту Эрдогану, тогда же утверждал, что «украинский кризис – это проблема не только России и Украины. Это важный и очень острый вопрос, связанный с безопасностью Европы и Черноморского региона. [...] Турция считает, что, будучи страной, имеющей хорошие отношения с обоими государствами, может взять на себя роль посредника, страны, способной организовать коммуникацию» («Россия в глобальной политике», 15.02.2022).

По мнению Андрея Кортунова, именно «прочные экономические связи» позволяют «частично» объяснить «примечательную устойчивость российско-турецких политических отношений, несмотря на наличие множества важных вопросов, по которым Москва последовательно не соглашается с Анкарой» (РСМД, 15.12.2021).

Кроме того, как пишут эксперты МГИМО МИД России Андрей Сушенцов и Максим Сучков, «у Москвы нет ожиданий, связанных с союзническим поведением Анкары, – именно такой настрой позволяет поддерживать баланс взаимных интересов. Тем не менее историческая хрупкость двусторонних отношений особенно остро проявляется в периоды региональных кризисов. В такие периоды дистанция от «стратегического партнёра» до «исторического врага», особенно в общественном сознании и СМИ, преодолевается за считанные часы» («Валдай», 10.12.2020). Одной из проверок российско-турецких отношений является армяно-азербайджанский конфликт.

Неудивительно, что именно Турция в нынешних условиях предполагается в качестве газового хаба для поставок российского голубого топлива на другие рынки. Показательно, что с учётом всего вышесказанного Москва под давлением опять же в первую очередь Анкары капитулировала и вернулась к зерновой сделке. Турецкий министр обороны Хулуси Акар дважды говорил с российским коллегой Сергеем Шойгу, сообщив, что зерновозы под флагом Турции продолжают выходить из черноморских портов Украины, и призвал избегать «помех и провокаций» в части безопасности коридора. Слабость российской позиции и нежелание множить число врагов сыграли свою роль.

Диалектика единства и раскола империализма проходит как через Амур, так и через Чёрное море.

Страницы истории рабочего движения

Интернационал и лассальянская секта

В письме к Иоганну Баптисту фон Швейцеру от 13 октября 1868 года Маркс возобновляет критику сектантства Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС), в то же время отдавая должное попытке самого Швейцера, предпринятой на гамбургском съезде 22–26 августа, отказаться от некоторых догм Лассалья, особенно в профсоюзном вопросе: «Вы на собственном опыте узнали, в чём противоположность между сектантским движением и классовым движением. Для секты смысл её существования и вопрос чести состоят не в том, что у неё есть общего с классовым движением, а в том особенном талисмани, который её от этого движения отличает. Поэтому, когда Вы в Гамбурге предложили созвать съезд для учреждения профессиональных союзов, то Вы смогли сломить сектантское сопротивление только своей угрозой отказаться от президентства». – Но далее Маркс замечает: «Вы фактически потребовали от классового движения, чтобы оно подчинилось особому сектантскому движению»¹.

Всеобщий германский рабочий союз в руках Бисмарка

После гамбургского съезда (16 сентября) ВГРС был распущен полицией Лейпцига. 3 октября Энгельс опубликовал статью «К роспуску лассальянского рабочего союза» в органе *Demokratisches Wochenblatt* Союза немецких рабочих обществ (СНРО) Либкнехта и Бебеля, будущем *Volksstaat* Социал-демократической рабочей партии Германии (СДРП). В этой работе Энгельс развил тезисы, изложенные в работе «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» 1865 года, указав на то, что в немецкой трёхклассовой игре Лассаль совершил ошибку, поставив себя «под крылышко министерства Бисмарка»², чтобы получить от него всеобщее избирательное право и государственную помощь.

Вместо того, чтобы использовать конфликт между буржуазией и юнкерством в своих интересах, ВГРС стал лишь орудием Бисмарка, который намеревался противопоставить рабочий класс буржуазии, развязавшей революцию 1848 года. Тем более это было актуально для страны, которая оставалась преимущественно аграрной («если 1/3 рабочих находится под командой капиталистов, то 2/3 находится под командой феодальных господ»³). Ещё в 1865 году Энгельс указал, что прусские власти относятся к ВГРС «терпимо» лишь условно, и предсказал, что как только он станет «опасным для правительства, такому положению сразу наступит конец»⁴.

Съезды в Гамбурге и Нюрнберге

В Гамбурге, резюмирует Энгельс, ВГРС решил: «1) выступить за завоевание полной политической свободы и 2) действовать совместно с Международным Товариществом Рабочих». Это подразумевало «полный разрыв» со всем прошлым ВГРС, который таким образом, казалось бы, отказывался от «своего прежнего положения секты [и выходил] на широкую дорогу массового рабочего движения»⁵. В письме Марксу от 24 сентября 1868 года Энгельс отмечал, что с «претензией лассальянской секты, что именно она есть «партия» в Германии, теперь, разумеется, покончено»⁶.

Одновременно и в ответ на эти события с 5 по 7 сентября в Нюрнберге проходил съезд СНРО под председательством Августа Бебеля, на котором была задекларирована «приверженность целям

Международного Товарищества Рабочих». Нюрнбергская программа была основана на преамбуле устава, составленного Марксом для Международного Товарищества Рабочих (МТР). Отношение к Интернационалу – это именно тот момент, который Маркс и Энгельс всегда подчёркивали в качестве отличия между замкнутым в своём сектантстве лассальянским течением и течением Либкнехта и Бебеля. Однако не было недостатка и в критике работы Либкнехта, которого, как писал Маркс Энгельсу 10 октября 1868 года, «только Швейцер заставил... вспомнить, что существует независимое от мелкобуржуазно-демократического движения рабочее движение»⁷.

«Государственный переворот» Швейцера

Но уже 10 октября Швейцер воссоздаёт ВГРС с тем же названием, перенеся его штаб-квартиру в Берлин и приняв новый устав, заявляющий о полном соблюдении прусских законов. Вместо перестройки ВГРС «на гораздо более общей принципиальной основе»⁸, как настаивал Энгельс, Швейцер вернулся к лассальянской практике и даже акцентировал сектантские черты, отдалившись от Интернационала. Дав задний ход, Швейцер закончил его так называемым «государственным переворотом» 18 июня 1869 года: берлинская газета *Social-Demokrat* (орган ВГРС) и лейпцигская *Freie Zeitung* (голос Лассальянского всеобщего германского рабочего союза (ЛВГРС) Фрица Менде – группы, носящей почти религиозный характер и собравшейся вокруг графини Гацфельдт) издали риторическую прокламацию, в которой предложили «суверенному народу» «восстановить единство партии Лассалья».

Франц Меринг писал, что «диктатура отныне перестала быть только средством, а превратилась в самодовлеющую цель. [...] Тот самый Швейцер, который годом раньше угрожал Гамбургскому съезду выстулением из Союза, если ему не будет разрешено заниматься организацией профессиональных союзов, связался теперь с заклятыми врагами этой организации [и] сделал огромную уступку сектантскому лассальянству другого союза, восстанавливая старый статут Лассалья»⁹.

Эйзенахский конгресс

Либкнехт и Бебель воспользовались случаем, чтобы освободить часть немецкого рабочего движения от лассальянского влияния. Это «сражение» позволило движению совершить «огромный прогресс», как подчёркивал Меринг: 17 июля *Demokratisches Wochenblatt* опубликовала обращение, которое призывало, чтобы «все немецкие социал-демократы» направили делегатов на «общенецкий социал-демократический рабочий конгресс»¹⁰, который планировалось провести 7, 8 июля и 9 августа в Эйзенахе.

Так родилась СДРП. Она в основном состояла из двух элементов: СНРО и тех, кто вышел из ВГРС после «государственного переворота» Швейцера. Пока прусское законодательство запрещало присоединение ВГРС к МТР, отдельные рабочие обходили запрет, присоединяясь к нему на личной основе. Эти рабочие, как указывает историк Дитер Фрике, представляли внутреннюю оппозицию Швейцеру и являлись теми элементами, которые впоследствии и войдут в СДРП.

С новой организацией Либкнехт и Бебель освободились от покровительства либеральной буржуазии, создав автономную партию рабочего клас-

са. С этого момента Маркс и Энгельс выступали против слияния СДРП с тем, что оставалось от ВГРС, борясь за ограждение немецкой партии от влияния лассальянства.

Однако, как и следовало ожидать, влияние Лассалья пронизывало всё немецкое рабочее движение. Настолько, что Арриго Черветто не раз обозначал взгляды всего немецкого компонента МТР термином «лассальянство». Подтверждением этой идеологической матрицы немецкой партии будет Готская программа 1875 года, которая, санкционируя объединение СДРП и ВГРС, подхватит многие основные идеи Лассалья и за это будет подвергнута резкой критике Марксом в его «Критике Готской программы».

Германия в центре стратегии

Внешние коллизии двухлетнего периода 1870–1871 годов, в частности Франко-прусская война и последующее объединение Германии, стали испытанием для немецких партий. Маркс и Энгельс в письме комитету Социал-демократической рабочей партии от августа 1870 года указывают: «Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию»¹¹.

Более того, в 1871 году на Лондонской конференции МТР был окончательно оформлен разрыв между Марксом и английскими синдикалистами. В своих «Тетрадах»¹², посвящённых марксистской стратегии, Арриго Черветто подчёркивает, что «попытка Маркса [установить влияние на английскую партию была] грандиозна и должна быть тщательно изучена»: «Из трёх основных течений [синдикализм [в Англии], мютюэлизм [во Франции], лассальянство [в Германии] [...] именно синдикалистское потенциально находилось ближе всего к тому, чтобы совершить скачок к марксистской партии, потому что оно являлось выражением экономической классовой борьбы на более высоком количественном уровне, чем у двух других, и к тому же было иницировано более зрелым пролетариатом».

Но когда после Парижской коммуны британцы потребовали автономии по отношению к МТР, «союз Маркса с синдикализмом, который был единственной имеющейся предпосылкой для возможной попытки создать Партию [...], опрокинулся. [...] Синдикализм поддержал мютюэлизм, чтобы сохранить себя в автономистском полицентризме». «Всё, что оставалось Марксу, – это начать с более отсталой, но единственно возможной точки, – с лассальянства. Начать с 1848 года. Германия и лассальянство будут в центре стратегии и [попыток утверждения] Партии в 1870–1880 годах». Черветто приводит выдержку из письма Энгельса Марксу от 30 июля 1869 года: «Закон пролетарского движения, видно, к сожалению, таков, что повсюду часть вождей рабочих неизбежно развращается, хотя это явление всё же нигде не имеет такого всеобщего распространения, как в Германии благодаря усердию Лассалья»¹³. Черветто интерпретирует слова Энгельса, определяя «трёх-юнионизм» как «вырождение, связанное с ростом», а «лассальянство» – как «вырождение, связанное с неспособностью развиваться, подобное мютюэлизму».

Конечно, с 1871 года Германия стала великой державой, но всё же если рассуждать «по-детерминистски», замечает Черветто, то центром должна была оставаться Англия. «За исключением того, что это уже было не так для Партии»: после разрыва с британцами партия

«воссоздаётся в Германии с тем материалом, который существует».

МТР и рабочие секты

Таким образом, Германия всё больше и больше оказывается в центре борьбы за партию. Связь между действительным движением и организацией разъясняется Марксом в письме к Фридриху Больте от 23 ноября 1871 года: «Интернационал был основан для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты [как уточняет Маркс, во Франции это были «прудонисты (мютюэлисты)», в Германии – «клика лассальянцев»] подлинной организацией рабочего класса для борьбы. [...] Развитие социалистического сектантства и развитие подлинного рабочего движения всегда находятся в обратном отношении друг к другу. Секты имеют своё (историческое) оправдание, лишь пока рабочий класс ещё не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты становятся, в сущности, реакционными»¹⁴.

В письме от имени Генерального совета МТР Федеральному совету романской Швейцарии от 1 января 1870 года Маркс рассматривает в том числе и «[вопрос] о Либкнехте и Швейцере», разъясняя отношения двух немецких течений с МТР: «В L'Égalité говорится: «Обе эти группы принадлежат к Интернационалу». Это неверно. Группа Эйзенахцев [...] принадлежит к Интернационалу. Группа Швейцера к нему не принадлежит. [...] лассальянская организация не могла бы вступить в Интернационал, не уничтожив самое себя. [Её] искусственная сектантская организация находится в противоречии с исторической, естественно сложившейся организацией рабочего класса. [Генеральный совет] поручил своему секретарю для Германии [самому Марксу] вступить в переписку со Швейцером; эта переписка продолжалась в течение двух лет, но все попытки Совета разбились о непреклонное решение Швейцера сохранить во что бы то ни стало вместе с сектантской организацией свою самодержавную власть»¹⁵.

Борьбу Маркса и Энгельса против лассальянства не следует понимать как отказ от организации: через создание Интернационала и в столкновениях с различными течениями (вроде бакунистского) они неустанно боролись за партию. Скорее речь шла о том, чтобы снабдить организацию революционной теорией, гарантирующей жизненной связью партии с действительным движением, чтобы она не оказалась, подобно проектам Лассалья, в тупике сектантских догматов.

Сентябрь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 475.

2 – Там же. Т. 16. С. 340.

3 – Там же. С. 74.

4 – Там же. С. 75.

5 – Там же. С. 342.

6 – Там же. Т. 32. С. 130.

7 – Там же. С. 144.

8 – Там же. Т. 16. С. 342.

9 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск шестой, 1896. С. 270, 271.

10 – Там же. С. 272.

11 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 17. С. 273.

12 – Cervetto A. Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e marxismo. Milano: Lotta comunista, 2019.

13 – Там же. Т. 32. С. 284.

14 – Там же. Т. 33. С. 278–279.

15 – Там же. Т. 16. С. 408–409.

Забастовки и жестокость государства в иранском котле

Весной 2021 года по Ирану прокатилась большая волна профсоюзных протестов, в частности, среди рабочих нефтехимической промышленности; из 150 тыс. занятых в секторе большинство – временные работники. Среди требований, помимо увеличения зарплат и улучшения условий труда, значилось право на профсоюзную организацию, фактически запрещённую в стране. Место профсоюзов занимают представительства корпоративного характера. Как утверждает член УММИ (профсоюза иранских металлургов), «профсоюзы не признаны в Иране [...], современное трудовое законодательство запрещает [их] и препятствует [...] их образованию». Признаны «исламские советы труда» – трёхсторонние организации, в которые входят «министерство труда, работодатели и некоторые рабочие, выбранные на основе их религиозных и правительственных связей». Эти организации «неадекватны» и «мало приспособлены» для защиты требований и нужд рабочих.

Один из эпицентров протеста – нефтехимический центр Абадан, один из крупнейших в стране: протест получил название «кампания 1400», со ссылкой на древний персидский солнечный календарь.

Циклы и регулярность забастовок

«Забастовки дикой кошки»¹, согласно сообщениям, интенсифицировались летом, распространившись на другие нефтехимические центры страны. Что касается общественных протестов в Иране в целом, они участились в конце 2017 года и достигли пиков в конце 2018 и 2019 годов, иногда оборачиваясь городскими бунтами как минимум в 200 городах; *Financial Times* обращала особое внимание на южный нефтеносный район Хузестан, где говорят преимущественно на арабском. В столице пришли в движение «рабочие пригородов» из южных районов Тегерана, нападая на банки и автозаправки. Как сообщил один из участников протестов, тридцатилетний инженер химпрома, «манифестанты атаковали банки, потому что те следуют интересам богатых, и заправки, потому что те производят государственный доход. В исламской республике всего 10 % населения может наслаждаться жизнью – золотая молодёжь. Наша же доля – одни долги да нищета». Среди факторов-триггеров было ужесточение американских санкций, «политика максимального давления», принятая администрацией Трампа вслед за выходом из иранской ядерной сделки; а также меры экономии, введённые центристской администрацией Хассана Рухани, и столкновение между фракциями и политическими течениями Ирана.

Раньше репрессии со стороны государства были быстрыми и массовыми, особенно в Хузестане, оборачиваясь многими сотнями, если не тысячами, жертв и тысячами арестованных. В этом октябре, пишет *Le Monde*, рабочие нефтехимического центра Абадан провели забастовку солидарности с протестными манифестациями, продолжавшимися в течение месяца. Последние начались в связи со смертью – при туманных обстоятельствах – двадцатилетней студентки курдского происхождения Махсы Амини, задержанной религиозной полицией. Девушка была родом из Сенендеджа

(столицы Иранского Курдистана), который наряду с Хузестаном и Белуджистаном исторически противостоял централизму Тегерана, в том числе в годы монархии.

По мнению *Le Monde*, нынешняя ситуация обладает новой чертой, поскольку традиционно в Иране забастовки, пусть «регулярны и интенсивны», но ограничиваются «экономическими требованиями». Газета вспоминает, что в 1979 году именно забастовки, особенно в нефтехимическом секторе, решили судьбу шахского режима, а также определили ренегатство вооружённых сил. За последние годы репрессии привели к сотням жертв и тысячам арестов. Подавление студенческих протестов в 2009–2010 годы унесло от 40 до 80 жизней, среди которых жизнь студентки философского факультета Неды Ага-Солтан, убитой членом басидж². На тот момент «реформистские» течения выступали против переизбрания президента-консерватора Махмуда Ахмадинежада (2005–2013). С весны студенческие протесты находятся в зародыше в связи с мерами самоизоляции, навязанными пандемией столетия, которая унесла 150 тыс. жизней.

Многоязычный Иран и «курдская динамика»

Иран является многоязычным государством: примерно половина от 85 млн жителей – персы, за ними идут тюркофонные азербайджанцы (15–18 млн), курды (около 10 млн), а также луры (4–5 млн), проживающие на юге и юго-западе страны и родственные курдам в этно-лингвистическом плане. Нельзя исключить переплетение регионалистского и этнического измерений в динамике протестов, особенно если принять во внимание процессы внутренней миграции и разложения крестьянства.

Сепаратизм и автономизм иранских курдов и азербайджанцев, жестоко подавляемых монархическим режимом, в 1940-е годы подпитывались Москвой, которая установила на пару с Лондоном кондоминиум над Ираном с лета 1941 года. СССР отказался от военного присутствия в стране только в 1946 году. С 1960-х годов «курдские войны» в Сирии, Ираке, Иране и Турции использовались Дамаском, Багдадом и Тегераном как факторы взаимного вмешательства и дестабилизации. Использовали их и различные империалистические метрополии, и эта практика никогда не забывалась, что доказывает сегодняшний сирийский конфликт. Это объясняет, почему в начале октября с появлением дронов Тегеран провёл военные акции в Иракском Курдистане: по мнению турецкого историка и аналитика Сонера Чагаптая, Тегеран и Анкара установили над ним «виртуальный кондоминиум».

Практика военных рейдов регулярно используется Турцией, учитывая присутствие анклавов курдской герильи в лице Рабочей партии Курдистана (РПК) и Отрядов народной самообороны (YPG) из сирийских курдов. Прибегают к ней и отряды Моджахедов иранского народа – организации, созданной в 1965 году и связанной с так называемым «красным шиизмом», о котором теоретизировал социолог Али Шариати и который действовал сначала против режима Пехлеви, а затем против режима Хомейни. В 1980-е

годы красных шиитов завербовал режим Саддама Хусейна, используя их в качестве полувоенной силы как в Иранском Курдистане, так и на южном фронте. По мнению Чагаптая, «курдская динамика» на Среднем Востоке имеет тенденцию стать зависимой переменной и инструментом «динамики региональных столиц», которые используют «курдские националистические движения против своих соседей». Курды, в свою очередь, разделены «четырьмя противостоящими друг другу государствами, тремя диалектами, двумя имперскими наследиями, двумя различными алфавитами», самое важное, «дюжиной противостоящих друг другу политических течений»; всё это «подорывает политическое единство курдов [...] и мечту о великом Курдистане» (Çağartay S. *Erdogan's Empire*, 2019).

Похоже, учитывая внутреннюю напряжённость, Тегеран осуществил военный предупреждающий удар. Хотя сейчас и имеет место существенная разрядка между крупнейшими региональными державами, зона влияния Ирана в Ираке и Ливане сталкивается с социальной и политической напряжённостью. В Ираке в особенности: вопрос о формировании правительства в Багдаде решали между собой военным путём национал-популистское движение Муктады ас-Садра и проиранские ополченцы. Это противостояние в немалой степени связано и с разделом нефтяной ренты. Наконец, можно вспомнить о прокси-войне в Йемене, фактически расколотом на две части после семи лет гражданской войны с примерно 100 тыс. погибших, которая ведётся против региональных соперников – Саудовской Аравии и ОАЭ. Сегодня внимание многих правительств концентрируется на украинском конфликте, однако Большой Средний Восток остаётся клубком переплетающихся кризисов, или, как утверждает Збигнев Бжезинский, «глобальными Балканами».

Иранский социальный котёл

Общественные протесты, которые привели к «исламской революции» 1979 года, были продуктом проводимой с 1960-х годов монархией Пехлеви ускоренной модернизации страны, реализуемой благодаря нефтяной ренте. С 1963 по 1974 год промышленный пролетариат страны вырос вдвое, увеличившись с 1 до 2 млн человек. Средний рост городов составлял 5 % в год и сопровождался типичными условиями быстрой урбанизации: перенаселением, распухенностью, болезнями. Как мы уже отмечали в нашем анализе, это социальный бэкграунд, сходный с тем, что наблюдался в России в 1905 году; многочисленный горячий материал направлялся шиитским духовенством в русло национального исламизма.

Хотя студенческие протесты тех лет были отмечены националистическими и тьермондистскими идеологиями, заимствованными из американских и европейских университетов, но именно шиитское духовенство располагало большими политическими возможностями, учитывая силу идеологического клея шиизма. Аятолла Хомейни из города Кум подготовил более 10 тыс. семинаристов; 300 из них в итоге стали функционерами исламского государства.

В 1979 году Иран насчитывал порядка 40 млн жителей, а Тегеран – 4 млн; сегодня же соответственно 85 млн и 12 млн. Уровень урбанизации составляет 70 %, а уровень грамотности вырос с 36 % до почти 90 %. Численность рабочей силы составляет 27 млн, как в Турции, и это вдвое больше, чем в Саудовской Аравии. Промышленный пролетариат насчитывает почти 10 млн человек.

В 2020 году насчитывалось 5,4 млн работниц-женщин; пандемический кризис привёл к потере рабочего места у 1 млн женщин, особенно в ткацкой промышленности и сфере услуг. Уровень грамотности среди женщин увеличился с 24 % в 1976 году до почти 80 % сегодня. Из 4,5 млн студентов университетов в 2019 году 65 % составляли женщины, то есть насчитывалось около 2,9 млн студенток. Это знак социальных сдвигов в иранском обществе.

Массовый абсентеизм

Как и в 2009 году, иранские протесты являются также выражением противостояния между фракциями и течениями. Администрация Эбрахима Раиси, отмеченная ультраконсерватизмом и поддержанная Пасдараном (КСИР) – преторианской гвардией и экономической империей режима, – была избрана в июне 2021 года. В поддержку высказались 18 млн человек, против 2,4 млн голосов (за реформистского кандидата), показательно, что им являлся бывший председатель иранского центрального банка. Получается, всего за консерваторов проголосовали 23 млн человек. Тем не менее эта цифра меркнет перед показателем абсентеизма, превышающим 50 %: на участки не пришли 30 млн человек, плюс было зарегистрировано 5 млн пустых или испорченных бюллетеней. Разумеется, в рабочих кварталах уровень абсентеизма ещё выше.

Как пишет *Financial Times*, абсентеизм отчасти был поддержан реформистскими течениями как «форма гражданского неповиновения», важная с точки зрения делегитимизации новой администрации, электоральная база которой сопоставима с той, что имел Ахмадинежад в 2005 году. Ещё одна цель – обусловить новое правительство в том, что касается дозирования внешней политики: реформистские течения ищут соглашений не только в Азии – в первую очередь с Китаем, Россией и Индией, – но и с ЕС, и предпочитают более либеристские дозировки.

Нынешний протест, выраженный в электоральной плоскости абсентеизмом, может, однако, найти выход в более остром социальном противостоянии, в рамках которого иранский пролетариат смог бы сбросить ферулу исламского национал-популизма, утвердив собственные классовые позиции.

Октябрь 2022 г.

1 – Wildcat strike – забастовка, о проведении которой рабочие не уведомляют заранее. Таким образом, получается неожиданный прыжок, как у дикой кошки; иногда проводится вне профсоюзной координации.

2 – Полувоенное формирование, подчиняется Корпусу стражей исламской революции.

Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма

Китайский империализм и государство

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книги Джулио Мотози "Democrazia imperialista in Cina".

«Согласно марксистской теории государства, загадка империалистической демократии заключается в централизации плюрализма воле ключевых экономических групп, и связь между этими терминами выводит на поверхность двойственность и противоречивость рассматриваемого политического процесса».

Многие концептуальные инструменты, которые мы собрали и развили в книге 2006 года "L'Europa e lo Stato"¹, можно использовать в исследовании политических форм, которое необходимо для оценки эффективности китайского государства в международных отношениях силы. Речь идёт о том, чтобы собрать и проанализировать в их взаимной связи политические закономерности китайского централизма и плюрализма, то есть закономерности процесса централизации плюрализма в континентальных масштабах. Как показывает уже столетний анализ международных процессов – начиная с предвидения Энгельса по вопросу американского федерализма, – централизация всё более обращена вовне, поскольку существует необходимость быстрого действия в империалистическом противостоянии, сегодня ускоренном восхождением Дракона; в то же время плюрализм всё более обращён внутрь, поскольку «эффективность и соответствие политической централизации зависят также от способности собрать и представить плюрализм политических воле фракций, региональных зон и фундаментальных групп той или иной державы».

По этим же вопросам ведутся дискуссии в Китае, они касаются поиска форм «федерализма» или «демократии с китайской спецификой», призванных сократить количество энергии, направляемой на внутренний политический процесс, на выбор коллективного руководства и синтез линий внешней проекции, начиная с ключевых зон.

Когда централизации плюрализма были свойственна неэффективность или серьёзное несоответствие, в Пекине проявлялись некоторые типичные закономерности ситуации политического нарушения равновесия, которые в метрополиях постепенно нашли выражение «в стремлении включить в правительственную коалицию силы, изначально из неё исключённые, при помощи обхода через плюрализм властей, или путём проявления реального кризиса несоответствия».

Вспоминается пример кооптации Гуанчжоу после «культурной революции» и Шанхая после событий на площади Тяньаньмэнь, регулярное применение армии в китайских кризисах, действие «экстра-конституционного апелляционного суда» Восьми Бессмертных в 1989 году, а также действительные политические разломы, жертвами которых стал ряд ключевых фигур процесса централизации китайского плюрализма: Лю Шаоци и Линь Бяо во время «культурной революции», Ху Яобан и Чжао Цзянь во время «реформ и открытости», а также Бо Силай, во всяком случае потенциально.

Дело в том, что вопрос об эффективности централизации плюрализма в Китае приобретает всё большее международное значение, потому что, если в первый век империализма Китай был втянут в противостояние историческими коллизиями между державами, то во втором веке новая держава сама стала экспортёром коллизий – экспортного товара, характерного для капитализма.

И это относится как к экспорту классовых противоречий, так и к нарушению порядка между державами.

С одной стороны, показательны строки из «Ленина и китайской революции» Арриго Черветто, касающиеся оценки Лениным новых империалистических держав времён первой мировой войны, поскольку сегодня они применимы к Дракону: «Капиталистическое государство становится империалистической державой и может "проверить действительную силу" (чтобы разрушить равновесие в мире и создать новый порядок) лишь в той мере, в какой оно развило в собственных недрах своего смертельного врага – пролетариат. Капиталистическое государство экспортирует не только свою силу, но и, главным образом, классовые противоречия, которые создаёт в процессе своего экономического развития; более того, оно приобретает империалистическое могущество именно потому, что до максимальной степени развило классовые противоречия. Лишь неспособность капитализма разрешить в рамках собственного национального рынка противоречие между производительными силами и производственными отношениями, порождёнными в процессе его развития, вызывает империалистическую экспансию, и вместе с империализмом оказываются экспортированными и расширенными до мирового уровня классовые противоречия, преимущественно представленные непрерывной классовой борьбой»².

С другой стороны, Китай входит в число держав, «экспортирующих "порядок"»³ – такое прозвище им дал Маркс в статьях о пробуждении «живых ископаемых», – в том смысле, что сегодня Средиземная Империя стала силой нарушения международного равновесия, хотя полтора века назад являлась объектом раздела, которому другие державы навязывали их «порядок». Колоссальное подтверждение нашей «теории империализма», которая «добавляет к закону борьбы классов – капитализм развивает в пролетариате революционную общественную силу, которая ему противостоит – закон разрыва международного равновесия: международный порядок империализма развивает в новых державах динамику собственного разрыва» (Guido La Barbera, *introduzione a "L'instabile ordine del multipolarismo"*, Ed. Lotta Comunista, 2002). А также новое испытание для марксистской теории государства.

Сегодня вопрос государства в империалистическом созревании Китая – это вопрос государственных форм, более или менее соответствующих экспорту противоречий империалистической державы континентального масштаба.

Подтверждением этого является закономерность, с какой дирижистская идеология проявляется в Пекине в своих новых взаимосвязях, поскольку империалистическая буржуазия нуждается в ней, чтобы объяснить государственный интервенционизм в разделе мира, формируя вокруг многолетних планов и международных инициатив синтез внутренних сил и направлений.

Борьба вокруг политических форм и организации власти в Китае тут же становится вопросом мирового противостояния, которое помимо прочего является соперничеством надстроек и столкновением между институциональными вариациями и градациями централизации плюрализма в соответствии с параметрами практической и эффективности.

«Согласно марксизму, лакмусовой бумажкой политической централизации является не формальное противостояние между институциональными

моделями, а способность к действию конкретной державы в рамках международного баланса, а также сравнение со всеми другими фундаментальными державами». Таков критерий, выбранный в книге «Европа и государство», якорь «материалистического исследования экономической общественной формации»: он заключается в рассмотрении экономических групп и ключевых зон каждой империалистической державы и в историко-материалистическом изучении борьбы классов и государств.

По мнению либерального историка Фрэнсиса Фукуямы, «демократия – это необратимый процесс, [однако] если Китай останется стабильным, если продолжит расти и превзойдёт западные либеральные демократии, [...] это серьёзно ударит по моей гипотезе». Фукуяма оценивает, что нужны «пара десятилетий» для оценки эволюции китайской политической формы, прежде чем он будет «вынужден сказать, что существует альтернатива» либеральной демократии (Il Foglio, 19.07.2021).

Согласно нашему видению, нужно проследить изменения китайского однопартийного плюрализма, основываясь на критерии его эффективности в борьбе держав, а не на соперничестве моделей роста, и взять временной отрезок, равный одному поколению, чтобы проверить действительные дилеммы империалистической демократии в Китае – и без претензии на то, чтобы накладывать на конкретную реальность абстрактные схемы.

Метод Черветто, изложенный в «Политической оболочке», даёт указание, которое мы перевели в интернационалистическую борьбу против европейского империализма: «Утверждение, что политика детерминирована экономикой, обязывает изучать развитие политических форм в их истории, в их связях, в связях, которые они имеют с экономическими формами, в общей истории экономической общественной формации»⁴.

Анализ действительного политического процесса показывает, что в Китае очевидны и различимы как господствующая черта однопартийного плюрализма, так и вариации и градации империалистической демократии в её существенном содержании, то есть в централизации плюрализма воле фракций крупного капитала.

Это находит подтверждение в реальной политической борьбе вокруг эволюции китайского государства – не только когда эта борьба ставит под вопрос демократию вплоть до принесения в жертву секретарей КПК, но и сегодня, когда реальные течения выражают свои интересы в политических дебатах.

Поэтому, на наш взгляд, речь идёт не о том, чтобы двадцать лет ждать подтверждения нашей теории империалистической демократии, а о том, чтобы её применять. Можно обозначить как минимум две практические потребности интернационалистического политического сражения, которые требуют анализа китайской политической оболочки.

С одной стороны, пролетарская оппозиция европейскому империализму – враг в нашем доме – требует обращения к антидемократической профилитике новых вирусов, которые гуляют по старым метрополиям: в Европе и Америке вновь становятся популярными фетиши демократической идеологии, противопоставленные картинам «китайского авторитаризма» в рамках растущей социал-империалистической мобилизации. Это же обстоятельство, помимо инструментов политической и организационной борьбы, требует и инструменты борьбы теоретической.

В 1970-е годы восстановление материалистической теории политики было теоретической стороной борьбы против демократических течений, осуществлявших нападки на марксистскую теорию государства. В 1990-е годы эти инструменты были использованы, чтобы в рамках процесса европейской интеграции противостоять идеологиям империалистического европеизма. Сегодня эти наработки должны служить для того, чтобы вести борьбу в рамках новой стратегической фазы, отмеченной противоборством держав континентального масштаба. Конкретно анализировать китайский однопартийный плюрализм – значит видеть, что категории авторитаризма или тоталитаризма годны лишь для разоблачения наиболее полицейских черт и никак не позволяют понять политическую борьбу между классами в Китае. Яркий пример такого подхода, к которому прибегает даже лучшая буржуазная литература, – сравнение Китая с Молохом без малейшей попытки хотя бы провести различие между провинциями.

Что особенно важно, исследовать китайский однопартийный плюрализм – значит ухватить и конкретно анализировать общее классовое содержание империалистических оболочек. Китайское государство – это оболочка буржуазной диктатуры в Китае в той же мере, в какой европейские государства и ЕС – это оболочки классовой диктатуры в Европе, диктатуры не притуплённой, а доведённой до совершенства и консолидированной посредством плюрализма надстроек. Если угодно, рассматривать Китай как вариацию или даже отклонение от империалистической демократии – значит ещё раз подтвердить, что европейская империалистическая демократия является наилучшей оболочкой.

С другой стороны, немаловажной является и борьба против идеологий китайской исключительности, теоретизирований о «демократии с китайской спецификой» или о «народной демократии» как об «истинной» демократии в контексте столкновения со старыми державами, борющимися с идеологическим кризисом либерализма. В данном случае формула однопартийного плюрализма – особая оболочка буржуазного плюрализма в Китае – функциональна для демистификации китайских идеологий, а также для указания на ограничения такой политической формы: реальные буржуазные течения показывают интерес к демократии как к наилучшей оболочке капитала и, вероятно, попытаются использовать пролетариат в своей борьбе. Примерами могут служить попытка социал-демократизации сверху, предпринятая Чжа Цзяньном, а также регулярные тред-юнионистские встречи либеральных течений, голос которых раздаётся в прибрежных провинциях и вокруг политической лаборатории Гонконга.

И в Европе, и в Китае марксистская теория империалистической демократии жизненно важна для автономии рабочего класса.

Октябрь 2022 г.

1 – «Европа и государство».

2 – Черветто А. Унитарный империализм. В 2 т. Том 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 44 (перевод исправлен).

3 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 9. С. 103.

4 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ "Новый Прометей"», 2010. С. 163.

Гиганты Азии

Шэньчжэнь и Шанхай на XX съезде

«Державы – это не компактные сущности, а пучки отношений. Множество региональных групп и движений централизуют свои ориентации в рамках единых государственных оболочек, но это динамичный процесс, который никогда не находит окончательного разрешения», – так мы писали во введении к книге «Европа и война». Этот критерий пучка отношений оказался решающим для анализа американской внешней политики в цезуре войны в Ираке, когда фронда Восточного побережья США встала в один ряд с оппозицией со стороны рейнского ядра ЕС. «Анализ международной политики рассматривает баланс сил во взаимных связях течений внутри отдельных государств, а также между течениями различных держав».

В этом смысле мы исследуем ориентации китайских регионов на XX съезде КПК, тем более что обнаруживается активное использование во внешней политике отношений с ключевыми течениями других держав. «Глобализация связала страны, заставляя их рассматривать внутренние и внешние вопросы с международной точки зрения», – пишет Чжэн Юннань в журнале *Greater Bay Area Review*, который выпускается суперпровинцией Юга. Это является предпосылкой для того, чтобы оценить вес ключевых областей Китая в пучках отношений континентальных держав.

Гуандун для «третьего открытия»

Плодовитый «политолог» родом из Нинбо (провинция Чжэцзян), но работающий в Шэньчжэне (провинция Гуандун), похоже, участвует в игре на съезде. По словам автора книги *“The Age of Unpeace”* Марка Леонарда, он входит в число «неформальных советников» правительства. Чжэн интерпретирует слоганы коллективного руководства, выражая ориентации сильной партии побережий, в духе известных и идентифицируемых политических теорий и внешнеполитических линий.

«После XVIII съезда, – пишет Чжэн, – в Китае произошли глубокие изменения, из которых наиболее значительны изменения на политическом уровне», но «о них мало говорят». С одной стороны, коллективное руководство в Пекине укрепилось; с другой стороны, китайский «фактический федерализм» сделал скачок вперёд с созданием суперпровинций Бэйцзин – Тяньцзинь, Шанхай – Наньцзин – Нинбо, Гуанчжоу – Шэньчжэнь – Гонконг, а теперь ещё и Чэнду – Чунцин.

Статья «Возможности на фоне больших перемен» (Пекин, 2021) начинается как раз с новой Greater Bay Area провинции Гуандун и продвигает «третье открытие» или «второе вступление Китая в ВТО», противостоя искушению сфокусироваться на внутреннем рынке, которое присуще «двойной циркуляции» в формулировке Си Цзиньпина. Речь идёт о двойственной природе китайского империализма: как крупного конкурента в дележе мирового рынка, но также и как обширного рынка сбыта, который, в свою очередь, составляет значительную долю самого мирового рынка. «Размер и устойчивость китайской экономики, – предупреждает Чжэн, – переваривают многие проблемы; и это может спровоцировать иллюзии [...], что открытость не нужна», особенно среди «тех, кто считает, что у Китая уже достаточно капиталов». «Первым открытием», «вынужденным», были опиумные войны XIX века; «вторым» был «акт открытия» Дэн Сяопина. Кстати, «оба начались с провинции Гуандун». «Третье открытие», предвестниками которого стали

соглашения ВРЭП в Азии, Всеобъемлющее инвестиционное соглашение (CAI) между ЕС и Китаем и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТРП) в Тихоокеанском регионе, будет «двунаправленным», «нормативным» и даже «односторонним», если потребуется.

Единство китайского рынка

Открытие Китая для иностранных капиталов в 1980-х годах теперь сменилось «экспортом китайских капиталов», который давит на интересы старых держав; последние реагируют на это, обвиняя Пекин в несоблюдении «всех правил, установленных Западом»; теперь и Китаю придётся «овладеть нормативной властью», но для этого ему придётся унифицировать стандарты китайского рынка. «Сегодня в пределах экономических районов Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, дельты Янцзы и дельты Жемчужной реки не существует единых правил, нет их и между различными провинциями и городами». По мнению Чжэн, суперпровинции Гуанчжоу и Шанхай должны начать: «Если бы внутренняя циркуляция была использована [...] для унификации внутренних правил, внешняя циркуляция служила бы для приведения [китайских стандартов] в соответствие с международными стандартами и участия в формулировании международных правил к 2035 или 2050 году».

Чжэн утверждает на страницах *Review*, что Китай должен «воспользоваться возможностью XX съезда», чтобы ослабить административное «сопротивление» объединению рынка на основе «региональных практик». Мнения ЦК и Госсовета об ускорении создания крупного национального рынка стали бы реальным ответом на эту идею. Йорг Вуттке, представитель BASF в Китае, сравнивает китайские провинции с европейскими государствами, намекая на 30-летний срок завершения создания единого рынка (*The Economist*, 23.07.2022). Чжэн вспоминает японские тезисы о «стае гусей», когда Корея, Сингапур, Тайвань и Гонконг последовали за Японией в промышленной цепочке, и замечает, что Китай содержит внутри себя подобную стаю, образованную восточными, центральными и западными провинциями.

Условное согласие из Шанхая

Шэньчжэньские тезисы отсылают к концепции исключительности Шанхая, согласно которой, формула китайского расширения, понимаемого как внутреннее пространство и, следовательно, вес в международных отношениях, дополняется фактором времени. По этому поводу Чжан Вэйвэй, руководитель Института Китая в Университете Фудань и старший член Института Вёсен и Осеней, опубликовал книгу «Новый век, новый Китай» (Пекин, 2021), в которой обновил тезисы о китайском «цивилизационном государстве», характеризующемся не только территориально-демографическим, но и «историческим» масштабом. Такая ситуация предполагает как преимущества, так и недостатки, предупреждает Чжан, потому что как пространство может стать «фрагментацией», как «в Индии», так и время может стать «столкновением с традицией». Пространство и время идут рука об руку на китайском рынке: преимущество масштаба имеет вес в определении международных стандартов, а расширение «удлиняет промышленный цикл», потому что «делокализация» может совершаться внутри национальных границ. Но спецификой является политическая форма. Плюрализм «раз-

личных групп интересов», появление новых «частных интересов» и «неравенство между регионами» представлены через три органа «исполнительной демократии»: Народный политический консультативный совет, Всекитайское собрание народных представителей и Центральный комитет КПК.

По словам Чжан, китайская «политическая культура» является холистической; различия «в образе мышления» между Пекином, Шанхаем и Кантоном «в действительности не больше, чем между англичанами, французами и немцами», но в рамках единого исторического пути. Чжан оспаривает тезисы американского историка Люшана Пая, по мнению которого, Китай был не национальным государством, а «государством-цивилизацией», и уточняет: если в термине «государство-цивилизация» дефис ставит два понятия на один уровень, то в понятии цивилизационного государства первенство принадлежит государству. Такая концепция допускает сближение с политической «пилотной зоной» Шэньчжэня, которую Чжан считает «очень обнадёживающей», но при одном условии: «В китайской политической культуре делегирование или преобразование правительственных функций должно продвигаться центром».

Длинные соломинки в пучках отношений

Можно обнаружить историческую закономерность в различных дозировках, которые Гуандун и Шанхай время от времени поддерживают в рамках централизации китайского плюрализма, и даже различить отголоски столкновений конца 1980-х годов; но решающий политический скачок заключается в международном отражении, которое империалистическое созревание Дракона придаёт этой диалектике. Как считает Чжэн Юннань, «главной целью открытия [...] должно быть разделение западного мира, который не является монолитным». С одной стороны, китайский рынок остаётся «наиболее эффективным оружием для разделения сил внутри США», мешая «коалиции американских групп интересов» выступать против Китая, который рассчитывает прежде всего на то, что «Уолл-Стрит не желает отказываться от китайского рынка». С другой стороны, «без открытости также и частные группы интересов в Китае [...] не могут быть расколоты», что делает «открытие финансового сектора, которое не допускалось в прошлом, стратегическим вопросом». Во-вторых, открытость должна «разрушить отношения» между США, Европой и Японией. Автор усматривает в CAI и ВРЭП «революционные подвижки против американского окружения», хотя CAI должно было побудить Джо Байдену возобновить переговоры по двустороннему инвестиционному соглашению (BIT) между США и Китаем. Наконец, Чжэн акцентирует внимание на китайском популистском риске, который сосредоточен «пока» в местных органах власти, но затрагивает и национальные элиты, в то время как «эра ссылающихся на самих себя СМИ» способствует «процветанию индустрии патриотизма» среди китайского «среднего класса», этакого брюшка «общества в форме оливы» – если смотреть на диаграмму дохода на душу населения, – что должно гарантировать гармонию, согласно конфуцианской идеологии.

Согласно либеристской линии, Большой Залив должен будет привлечь иностранный капитал, «чтобы избежать холодной войны с Западом», а также тянуть за собой другие китайские

зоны с помощью локомотива динамичного «единого рынка Юга». Степень политической централизации, достигнутая Китаем – «высокоцентрализованная центральная институциональная структура», – отныне позволит крупным суперпровинциям делать это, «не создавая угрозы единству Китая, как в прошлом».

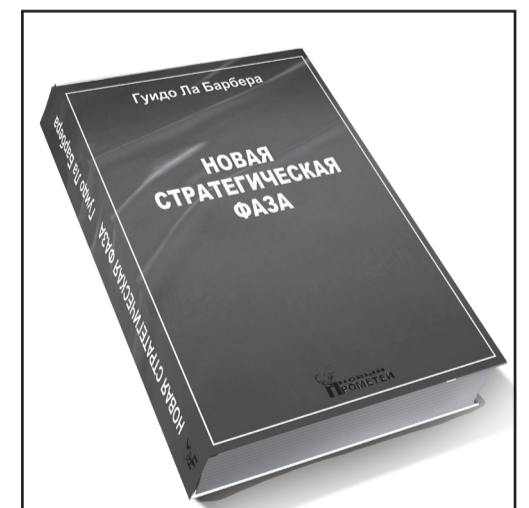
Примечания автора

Политическая операция Большого Юга сопровождается тремя предупреждениями на страницах *Review*, которые показывают, что инклюзивная многосторонность Гуанчжоу с его односторонней и будто бы экономистской открытостью не лишена политического реализма. Во-первых, по мнению Чжэн, даже если бы Китай был «проамериканским», США не «приняли бы» его, разве что будь он «полусуверенной страной, как Япония». Во-вторых, Китай приветствует многополярный мировой порядок, но не все многополярные тенденции на руку Китаю: Индия, например, может усилить стратегическое давление. В-третьих, накануне первой мировой войны степень глобализации была «во многих отношениях выше», чем сегодня, но в 1914 году война всё равно разразилась – именно из-за «распределения» выгод от глобализации. Таким образом, именно неравномерное развитие привело к войне.

Чжан Вэйвэй вспоминает фразу генерала Ли Хунчжана, который в 1872 году характеризовал вторжение западных держав в Китай: на пороге стоят «великие перемены, каких не было три тысячи лет». Сегодня «великие перемены, каких не было сто лет», – это вторжение Китая. Можно даже сказать, что таких изменений не было «несколько веков», поскольку Шёлковый путь «исправляет» китайский упадок XVI века, «перебалансируя» отношения между сушей и морем. Перемены носят эпохальный характер, поэтому стоит обращать внимание на теории и внешнеполитические линии, исходящие из китайских провинций.

Чжан пишет, что решающий переход от «культурной революции» к «реформам и открытости [был] крупным политическим изменением, гораздо более широким, чем политическая перестройка между республиканцами и демократами в США, [только] внутри КПК». Политолог добавляет: китайский «демократический централизм» пересечён «многими дискуссиями».

Октябрь 2022 г.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Борьба с коронавирусом

Сотрудничество в сфере здравоохранения – полоса препятствий

Как мы уже увидели, долгий путь сотрудничества между странами в области общественного здравоохранения начался в середине XIX века. Целью европейских государств был не столько совместный поиск средств борьбы с болезнями на своём континенте (тиф, туберкулез и т.д.), сколько согласование общих правил для предотвращения их завоза с Дальнего Востока, в наименьшей степени препятствуя торговле.

Вирусы и векторы

Пятая Международная конференция по здравоохранению, состоявшаяся в Вашингтоне в 1881 году, была «стерильной с научной точки зрения». Единственной новинкой стал доклад кубинского эпидемиолога Карлоса Финлея (1833–1915) о его гипотезе патогенеза жёлтой лихорадки. Этот доклад был историческим по своему значению, и это впервые сделало происшедшее на конференции достоянием общественности. В остальном она прошла почти незамеченной, и единственным решением, принятым небольшим большинством делегатов, было создание «временной научной комиссии по здравоохранению с участием государств, наиболее непосредственно заинтересованных в защите от жёлтой лихорадки». Эта комиссия, как и многие другие, так и не увидела свет (Norman Howard-Jones, "Les bases scientifiques des Conférences sanitaires internationales 1851–1938", ВОЗ, 1975).

Финлей с 1879 года по правительственному поручению изучал причины жёлтой лихорадки, и в 1881 году представил потенциальное объяснение загадки её распространения: болезнь обязательно разносилась посредником, который передавал её от больного человека к здоровому. В качестве переносчика он затем указал на комара, позже ставшего известным как *Aedes aegypti*, который был широко распространён в городских агломерациях. Этиологический агент, вирус из семейства флавивирусов, будет выявлен лишь более сокока лет спустя.

Гипотеза Финлея оставалась без внимания в течение двадцати лет, хотя к 1870-м годам смертоносные эпидемии жёлтой лихорадки распространились из Бразилии в Парагвай, Уругвай и Аргентину. В 1878 году болезнь достигла

побережья Соединённых Штатов посредством морской торговли и из-за эпидемии, охватившей русло Миссисипи (РАНО, "History of the Pan American Health Organization").

Как это часто случалось в истории, именно военные обстоятельства переломили ход событий. В 1898 году американские войска, отправленные на Кубу в рамках испано-американской войны, были выкошены жёлтой лихорадкой. Подсчитано, что на каждого солдата, погибшего в бою, приходилось 13 умерших от этой болезни (JAMA, "Yellow Fever: 100 years of discovery", 27 августа 2008 года). Армия направила на Кубу научную миссию во главе с медицинским работником и бактериологом Уолтером Ридом (1851–1902). Он подтвердил выводы Финлея, доказав, что укусы комаров *Aedes aegypti* является основным путём передачи заболевания. Генерал Уильям Горгас (1854–1920) инициировал кампанию по дезинсекции в Гаване и уже в 1902 году смог объявить о ликвидации болезни в городе.

В декабре того же года одиннадцать американских стран подписали в Вашингтоне первую Международную конвенцию американских республик по здравоохранению, которая привела к созданию Панамериканского санитарного бюро, позже ставшего Панамериканской организацией здравоохранения (ПАОЗ), которая сегодня является старейшим международным агентством здравоохранения, действующим в качестве регионального агентства Всемирной организации здравоохранения.

Войны и болезни

История демонстрирует способность войн разжигать эпидемии благодаря высокой концентрации войск и созданию благоприятных санитарных условий, что во многих случаях приводило к провалу военных кампаний. Ещё до войны на Кубе жёлтая лихорадка уничтожила армию Наполеона, отправленную на Гаити в 1802 году для подавления восстания рабов. По оценкам, из 65 тыс. солдат, отправленных в различные экспедиции на остров, 50–55 тыс. погибли в течение нескольких месяцев от жёлтой лихорадки, и к ним следует добавить ещё тысячи выздоровевших ("Epidemics in World History, With Frank M. Snowden", 2020).

Это была эпидемия «исключительной вирулентности» по сравнению с наблюдавшейся в Карибском бассейне в предыдущих случаях. Жёлтая лихорадка была завезена из Африки на кораблях работоторговцев, на которых в регион попадали люди, комары и вместе с ними носители вируса. По мнению американского историка, одно из возможных объяснений «беспрецедентной» летальности гаитянской эпидемии заключается в том, что местное население, долгое время контактировавшее с вирусом, приобрело определённую степень защиты. Этот «коллективный иммунитет» полностью отсутствовал у молодых французских солдат, которые к тому же плохо питались и содержались в нездоровых условиях (F. Snowden, op. cit.). С другой стороны, лекарства от болезни не существовало, и доминировали «миазматические» теории болезней.

В Европе жёлтую лихорадку продолжали считать проблемой Нового Света несмотря на то, что она уже появилась на Западном побережье. Лоренцо Дель Панта сообщает об эпидемии жёлтой ли-

хорадки (ранее неизвестной в Италии), которая поразила Ливорно в 1804 году и унесла более 700 жизней (L. Del Panta, "Le epidemie nella storia demografica italiana (secoli XIV–XIX)", 1980).

Противоречивый рассвет бактериологии

Опасения Европы были связаны прежде всего с холерой. Первые девять конференций по здравоохранению были полностью посвящены этой «азиатской болезни», за исключением Вашингтонской конференции, на которой был представлен доклад Финлея. Эти конференции организовывались государствами по «вопросам, представляющим национальный интерес».

На шестой и седьмой конференциях, проходивших в Риме в 1885-м и Венеции в 1892 году, главной темой споров всегда было регулирование морских перевозок и порядок карантинных режимов, то есть вопросы, которые, по словам министра иностранных дел Италии на конференции в Риме, находились «в полной анархии». Различные европейские державы, в первую очередь Франция, винили в этом товарные потоки и перемещение войск (в основном британских) из Индии через Суэцкий канал. Великобритания отказалась накладывать карантин на собственные суда, считая более чем достаточными санитарные проверки и гигиенические меры, применяемые в портах прибытия «эффективной» британской санитарной системой. Аргумент заключался в том, что пятидневный карантин, вводимый для судов, следующих транзитом через Суэцкий канал, свёл бы на нет преимущество перед маршрутом вокруг мыса Доброй Надежды (N. Howard-Jones, op. cit.).

С научной точки зрения, мы вступили в бактериологическую эру. В 1882 году Роберт Кох объявил о выявлении туберкулезной палочки. В 1883 году французское и немецкое правительства направили в Египет две независимые научные миссии для полевого изучения продолжающейся эпидемии. Французская инициатива находилась под патронажем химика и биолога Луи Пастера (1822–1895), «отца микробиологии», основанного в 1887 году престижный Институт Пастера. Четыре учёных из миссии были его учениками, а один из них умер от холеры через месяц после прибытия в Египет.

Французская группа не смогла распознать среди множества микробов, обнаруженных у умерших от холеры, возможного виновника заболевания. Немецкая миссия, возглавляемая самим Кохом, также не смогла установить причинно-следственную связь между конкретной бактерией и холерой. Ради этой цели Кох переехал в Индию, где бушевавшая эпидемия давала большое количество случаев для исследования заболевания. В начале 1884 года он смог объявить о выделении «холерного вибриона» в чистой культуре. Вернувшись на родину, Кох был торжественно встречен как герой и удостоен высоких почестей, но его открытия не стали сразу общепризнанными и оказались встречены с сопротивлением в научном сообществе.

Академическая ревность и национальное соперничество

Научный истеблишмент неохотно принимал новые революционные открытия, а для правительств научные

теории часто становились инструментом поддержки национальных интересов в противостоянии держав.

Во Франции сильно ощущалось разочарование из-за провала миссии в Египте, а также обида, нанесённая и без того престижной школе Пастера немецким успехом в Индии. Потребовалось несколько лет, чтобы результаты Коха получили полное признание. В Италии нашлись те, кто в медицинском журнале упрекал Коха в «хвастовстве» в ситуации, когда он сделал не что иное, как «заново открыл» тот же самый микроб, *Vibrio cholerae*, который уже описал Филиппо Пачини тридцатью годами ранее.

В Великобритании влиятельные учёные упорно противостояли тезису о передаче холеры от человека к человеку. Джозеф Файрер (1824–1907) был членом Королевского общества и Королевского колледжа врачей, Академий европейской и американской науки и медицины, а также возглавлял делегацию Британской Индии на Шестой международной конференции по здравоохранению. Даже спустя через четыре года после открытия Коха он отказывался признать микробную природу холеры (N. Howard-Jones, op. cit.).

Догадка о том, что антиконтагиозные теории были использованы в качестве «научного» инструмента с целью противодействия контролю за движением через Суэцкий канал, имела основания, даже если сам Кох называл дискуссии о морских карантинных «совершенно излишними», поскольку холера попала в Европу в основном по суше.

Если говорить о США, то в редакционной статье журнала Американской медицинской ассоциации утверждалось, что «популярные теории микробов и связанные с ними доктрины контагиозности, сильно преувеличенные в газетах, усиливают ужас среди всех слоёв населения и пропорционально увеличат разрушительные последствия эпидемии». А страх – «одна из самых значительных причин, вызывающих предрасположенность к холере». Более века спустя нельзя не вспомнить о некоторых неосторожных заявлениях во время пандемии Covid-19.

Более того, даже на собственной родине теория Коха встретила много скептиков. Наиболее сильная оппозиция исходила от так называемых «локалистских» эпидемиологов, среди которых доминировал вышеупомянутый Макс Петтенкофер. С их точки зрения, эпидемии холеры зависели от почвенных и климатических условий. Объяснения Коха считались «ересью»: «открытие бактерий ничего не меняет» (N. Howard-Jones, op. cit.).

В Риме в 1885 году этиология холеры не обсуждалась 28 странами-участницами. Шестая конференция открылась и закрылась в состоянии полного отсутствия согласия относительно мер, которые необходимо предпринять в отношении морских карантинных. Согласие было достигнуто на Седьмой конференции в Венеции в 1892 году, которая завершилась подписанием первой Международной санитарной конвенции. Этот документ стал первым практическим результатом международного сотрудничества за 40 лет. Однако проблема морских перевозок решится с приходом пятой пандемии холеры, которая вызовет шок в Европе, прибыв по суше в конце того же года.

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.
ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

75 лет независимости Индии: неизвестные долгого развития

Спустя 75 лет после обретения Индией независимости премьер-министр страны Нарендра Моди мобилизует нацию на вступление в эпоху национального возрождения. Он называет это время *Amrit Kaal*: на хинди это выражение означает идеальное время для новых начинаний. Речь идёт о 25-летнем периоде до 2047 года, когда со дня окончания британского правления пройдёт ровно столетие: согласно видению Моди, эти годы станут решающими для преодоления разрыва между глубоким желанием быть великой державой и материальными возможностями, необходимыми для данного статуса.

Ему вторят ключевые экономические группы. По мнению Кумара Бирлы, председателя *Aditya Birla Group*, одной из крупнейших промышленных групп Индии (60 миллиардов долларов товарооборота, 140.000 сотрудников), решающее значение будет иметь внутреннее потребление (60 % ВВП Индии) и то, как страна сможет использовать свою рабочую силу. Ожидается, что в ближайшие два десятилетия численность населения трудоспособного возраста увеличится на 200 миллионов человек и, превысив один миллиард человек, станет самой большой в мире.

Bloomberg, основываясь на данных МВФ, сообщает, что Индия уже обогнала Великобританию и стала пятым государством в мире по объёму ВВП (в долларах в годовом исчислении) позади США, Китая, Японии и Германии. Десять лет назад она была лишь одиннадцатой. Но, по заключению американского информационного агентства, экономика Индии по-прежнему застыла «в одном шаге от взлёта», а про ожидания относительно среднесрочных результатов политических изменений и реформ последних лет «мы слышали не раз». *Bloomberg* полагает, что без изменения профиля рисков мало шансов довести частные инвестиции до необходимого для устойчивого роста уровня.

Иначе реагирует *China Daily*: «*Kumay рад видеть развитие Индии*»: две страны являются партнёрами и создают возможности друг для друга; нельзя позволить пограничным спорам, наследие колониальной эпохи, помешать совместной работе, нацеленной на то, чтобы дать начало азиатскому веку.

Моди также использует антиколониальную риторику. Во-первых, *Amrit Kaal* знаменует сменой названия индийских «Елисейских полей»: для индусских националистов Раджпатх – название, напоминающее о британском имперском владычестве. Там, где когда-то находилась статуя Георга V, теперь стоит памятник Субхасу Чандра Босу, индийскому националисту, который во время второй мировой войны сражался против англичан при поддержке немцев и японцев. В азиатском столетии есть много потенциальных протагонистов.

Толчки и тормоза развития

Бибек Деброй, экономист и председатель Экономического консультативного совета при премьер-министре, заявил, что к 2047 году Индия станет страной с уровнем дохода выше среднего, даже если предположить, что в течение следующих 25 лет рост ВВП будет происходить «относительно консервативными» темпами в 7–7,5 %. Это означает, что к заявленной дате среднегодовой доход на душу населения (номинальный) составит около 10.000 долларов США (по

сравнению с примерно 2.500 долларов США, согласно оценке МВФ на 2022 год).

Другие аналитики более осторожны: данные говорят о том, что достичь таких целей будет сложно. Только в течение двух пятилетних периодов индийская экономика демонстрировала подобный рост. Первый приходится на 2003–2008 годы, пик глобализации, когда наблюдался быстрый рост экспорта. Второй пришёлся на 2014–2019 годы, чертой которого были низкие и падающие цены на нефть. За обоими периодами последовали резкие спады, вызванные, соответственно, финансовым кризисом и пандемией.

Business Standard отмечает, что Индия до сих пор не смогла вывести достаточное количество людей из сектора сельского хозяйства и что рост производительности обеспечивается только крупными компаниями, в то время как большинство работает в маленьких фирмах. Верная своей либеристской линии, газета ставит под сомнение то, что политика защиты отечественных предприятий и субсидирования производства сделают Индию более конкурентоспособной и помогут создать необходимые ей рабочие места.

По мнению *The Economic Times*, ближайшие годы пройдут под знаком стратегии «изнутри наружу»: ставка на производство для всего мира, выраженная в политике *Atmanirbhar Bharat* (самодостаточная Индия) должна окупиться. Именно здесь Мартин Вулф, давший комментарий *Business Standard*, видит серьёзные проблемы, связанные с относительной слабостью инвестиций в частный сектор. *The Economic Times* считает, что должна произойти параллельная трансформация, благоприятствующая иностранным инвестициям, в чём-то напоминающая ту, что была произведена в Китае в 1990-е годы и привела к вступлению страны в ВТО в 2001 году. Однако данная политика должна проводиться в условиях относительного социального мира и наличия политической решимости. Следовательно, на это требуется время, «нужно держаться подальше от лишних проблем».

Три Индии

На протяжении многих лет мы неоднократно описывали сложное многообразие индийского субконтинента и различные степени его развития (Роберто Казелла, «Нью-Дели стремится к державной политике», сентябрь 2003, и «Пять миров» в Индии», май 2013).

На страницах *Hindustan Times* Джанмеджая Синха, председатель *Boston Consulting Group India*, представляет проблему в терминах дохода на душу населения. Если обращаться к оценкам по паритету покупательной способности, существует три Индии: европейская с 50 миллионами человек, обладающих доходом 45.000 долларов в год, индонезийская с 425 миллионами человек с доходом 9.500 долларов в год и Индия, близкая к Африке южнее Сахары, – это более 900 миллионов человек со средним доходом на уровне 3.300 долларов (из них более 300 миллионов имеют гораздо более низкие доходы). Первые две составляют потребляющую Индию, которая быстро растёт и имеет всё более амбициозные устремления: к 2030 году более 70 % потребления и бизнеса будут приходиться на их долю. Но в том же 2030 году 200 миллионов человек будут жить ниже уровня субсахарской Африки: по мнению Синха, пра-

вительственные программы должны быть направлены на то, чтобы перевести всю Африку южнее Сахары в индонезийский сегмент. Тем не менее, это не единственный вызов, с которым Индии придётся столкнуться в *Amrit Kaal*.

Опасные дисбалансы

Как утверждает *Business Standard*, во многих аспектах региональное неравенство имеет такой масштаб, при котором оно представляет собой важный вызов единству федеративной структуры страны.

Величина бюджетных трансфертов из более богатых штатов, например, южных, в более бедные и густонаселённые штаты на севере, центре и на востоке страны, пожалуй, достигла уровня, который редко наблюдался в истории великих государств. Таким образом, внутренняя миграция сохранит свою функцию предохранительного клапана: она должна продолжать осуществляться на том же уровне. В то же время локдаун указал на пробелы государственной политики в этой сфере.

А.К. Бхаттачарья, директор редакции *Business Standard* и автор книги «*The rise of Goliath. Twelve disruptions that changed India*»¹, указывает, что южные штаты со времён чрезвычайного положения Индиры Ганди 1975 года демонстрировали совершенно иную реакцию на события по сравнению с северными. Он приводит в пример демонетизацию 2016 года и недавние протесты против аграрных законов: на Юге почти не было очередей у банков, а фермеры по сути остались безразличны к происходящему.

С экономической точки зрения, южные штаты заинтересованы в огромном растущем рынке, который представляют другие штаты. Но зафиксированная в конституции перспектива дальнейшего уменьшения их политического влияния после пересмотра количества мест в парламенте на основе переписи населения 2031 года, а также продолжающиеся протесты в связи с решениями финансовых комиссий о распределении центральных ресурсов между штатами на основе параметров населения и развития, могут быть первыми признаками более серьёзного кризиса. По мнению Бхаттачарьи, чем раньше они будут пресечены в зародыше с помощью позитивных мер правительства, тем лучше будет для прочности структуры управления.

Hindustan Times в выходящей раз в две недели колонке «*Chanakya*» поддерживает подобные тезисы и призывает к заключению нового федерального пакта: политика и экономика уведат индийский федерализм на неизведанную территорию. Варгезе К. Джордж, обозреватель газеты *The Hindu*, также принимает эти рецепты, но связывая их с глобальной тенденцией к централизации, которая была вызвана экономическими кризисами и пандемией. Варгезе понимает федерализм как динамичную и многомерную концепцию: Индии нужен «социальный федерализм», который бы охватывал все значимые аспекты, включая централизующий. Сегодня последний представлен БДП, ранее – партией Индийский национальный конгресс (ИНК), но неизменным остаётся его решающее значение для единства и стабильности страны. *Amrit Kaal* нуждается в новом федеральном пакте.

Индия и Китай: долгая погоня

По мнению Арвинда Субраманиана, главного экономического советника в

первом правительстве Моди с 2014 по 2018 год, три шока глобализации (финансовый кризис 2008 года, пандемия и военные действия России в Украине) сократили возможности для Китая и расширили их для Индии.

Пекин достиг поворотного момента в своём развитии – трудного перехода от статуса страны со средним уровнем дохода к статусу страны с высоким уровнем дохода. Южной Корее удалось добиться этого за счёт увеличения экспорта ещё на 25 процентных пунктов ВВП. Переход сделает Китай ещё более зависимым от экспорта в то время, когда мировой спрос снижается. При этом такие факторы, как *friend-shoring* – перенос производства в страны, являющиеся стратегическими партнёрами, – будут выгодны Индии: Субраманиан, однако, полагает, что для того, чтобы извлечь выгоду из этого контекста, Индии придётся обратить свою недавнюю тенденцию к росту внутрь и стать более открытой с экономической точки зрения.

Эти вопросы привлекают внимание китайских СМИ. *Global Times* задаётся вопросом, сможет ли Индия повторить успех Китая, и приводит тезисы некоторых исследователей. Согласно Цянь Фэну из Университета Цинхуа в Пекине, в период аналогичной фазы экономического подъёма в последние десятилетия Индия погрязла в политической нестабильности: некоторые стратегии и политические решения центральных властей не реализовывались на местном уровне. Это явление стало очевидным по решениям некоторых глобальных компаний отозваться от присутствия в стране.

Государственный банк Индии подсчитал, что страна должна обогнать Германию к 2027 году, а Японию – к 2029 году: похоже, что Дели идёт по китайской траектории с запозданием на 20 лет. Но Ван Ивэй, директор Института международных отношений при Университете Жэньминь, выражает сомнения по этому поводу: «*Индия упустила лучшие возможности, предоставленные гиперглобализацией, а пандемия ускорила разлом мировой экономики, что привело к упадку международного разделения труда*». Хотя взлет её инфраструктурного сектора только начинается и вот-вот будет дан старт информационному веку, устойчивость быстрого роста остаётся под вопросом, поскольку фрагментированность Индии препятствует перемещению производственных компонентов. В связи с этим она не в состоянии создать комплексную промышленную систему по образцу китайской.

На это обращает внимание и *Business Standard*. В отношении краха китайской недвижимости в статье отмечается, что Индия и Китай находятся на разных полюсах экономического цикла. В Индии, по словам правителя, этот сектор, включающий инфраструктуру, достигнет 10 % ВВП в 2030 году, что соответствует уровню Китая в 2010 году. Это является ещё одним показателем отсталости Индии: Пекин обещает Дели азиатское чудо под знаменем Бандунга, чтобы компенсировать её.

Сентябрь 2022 г.

1 – «Возвышение Голиафа. Двенадцать шоков, которые изменили Индию».

Европейская оборонная и военная промышленность

Арсенал Финляндии и Швеции для восточного фронта

Финляндия имеет границу с Россией протяжённостью более 1.300 километров, а Швеция контролирует остров Готланд, расположенный в центре южной части Балтики: по сути, границы этих стран представляют собой северо-восточную границу Европы. Обе они являются частью ЕС с 1995 года, а в мае прошлого года подали заявку на вступление в НАТО, и это знак времени, потому что свидетельствует о конце длившейся десятилетиями политики неприсоединения.

В конце второй мировой войны Финляндия, которая на короткий период объединилась с нацистской Германией, чтобы вернуть себе части территории, ранее отнятые у неё сталинистским СССР, покорно приняла статус нейтралитета по отношению к Москве, который впоследствии назвали «финляндизацией». Швеция вела свою последнюю войну ещё во времена Наполеона (1813–1814) и, не считая тактических уступок различным соперникам, сумела избежать участия в последующих мировых конфликтах.

Тем не менее обе страны принимали участие в миссиях НАТО на Балканах и в Афганистане, а также в программе PRRP (Planning and Review Process), с помощью которой Североатлантический альянс определил стандарты возможностей, которые должны быть переданы странам, не являющимся членами, но считающимися потенциальными союзниками. В конце «холодной войны» Швеция и Финляндия, как и многие другие страны, сократили свои военные расходы и участвовали в попытках Европы консолидировать свою

военную промышленность, но без значительных результатов.

Patria и EADS

Основным производителем оружия в Финляндии является группа Patria. Её товароборот по состоянию на 2021 год составил 547 млн евро, а количество занятых – 3 тыс. человек. Она была создана в 1997 году как компания, контролируемая государством, в результате слияния аэрокосмической компании Valmet с производителем наземных вооружений Oy Sisu.

Из-за ограничений, налагаемых договором с СССР, Valmet всегда лишь собирала самолёты, купленные Финляндией за границей, такие как французский Fouga Magister, шведский Draken, британский Hawk и, наконец, американский F-18. После интеграции с Patria её основной деятельностью стало обслуживание двигателей и самолётов, а также производство компонентов для крупных предприятий сектора.

В 2000 году Patria разработала AMV (Armored Modular Vehicle) – бронированную машину с 6–8 ведущими колёсами, способную перевозить 8–12 солдат и имевшую определённый успех на международном рынке. 1600 единиц AMV заказала восемь стран, среди них Швеция, Норвегия и Польша (последняя купила 690 единиц).

В акционерной истории Patria была и попытка европейской интеграции, предпринятая в 2001 году. Победив в конкурентной борьбе с BAE Systems, 26,8 % акций Patria завладела EADS (позже ставшая Airbus Gr.). Группа предложила производство вертолётов A-380 и NH-90. Последующее снижение военных расходов привело к тому, что в 2014 году Airbus вышла из доли в Patria.

Kongsberg Gruppen и Nammo

По настоянию правительства Финляндии, которому принадлежит 50,1 % Patria, в 2016 году 49,9 % акций Patria приобрела норвежская Kongsberg Gruppen. Kongsberg – сотая военная группа в рейтинге SIPRI с доходами от продажи оружия в размере 900 млн долларов, 50 % её капитала находится под контролем государства.

Норвежское правительство и сама Patria также делят поровну акции Nammo – компании, которая производит боеприпасы и ракеты для внутреннего и международного рынков. Так, Nammo сотрудничает с Raytheon в разработке ракет класса «воздух – воздух» AM-RAAM и 155-мм артиллерийских снарядов. Конфликт на Украине особенно подчеркнул поддержку западных держав в производстве и наращивании резервов арсеналов и необходимость инвестиций в их производство.

Финские ВВС должны заменить свои истребители F-18 на более современные. В декабре прошлого года Хельсинки решил остановиться на F-35 Lockheed Martin, последовав примеру Норвегии и многих других стран старшей Европы. Выбор не удивителен, учитывая совместимость этого истребителя и дипломатический вес Вашингтона, но основным конкурентом F-35 (в итоге проигравшим) был Gripen, производимый шведской компанией Saab.

Saab и BAE Systems

Saab является самой важной шведской оборонной компанией, и в рейтинге SIPRI она занимает 36-е место

в мире по военному обороту, расположившись недалеко от таких групп, как Naval Group (31 место) и Dassault (32 место). Сегодня Saab на 30 % контролируется холдинговой компанией Investor шведской семьи Валленберг и по состоянию на 2020 год имеет выручку от продажи оружия в размере 3,4 млрд долларов.

В своё время BAE Systems предприняла попытку консолидации, удерживая треть капитала Saab в период с 1998 по 2010 год, но эта попытка так и не была завершена приобретением. Однако британская группа сохранила контроль над производством шведских сухопутных вооружений после объединения исторических компаний Hagglunds и Bofors, которые производят 23-тонный танк CV90, используемый всеми скандинавскими странами. В любом случае сотрудничество с BAE Systems позволяет Saab присутствовать в качестве технологического наблюдателя в проекте нового истребителя шестого поколения Tempest.

«Лоукостер» Gripen

Saab производит истребитель Gripen с 1990-х годов, сейчас выпускается уже третье его поколение, получившее код E (для двухместного самолёта – F). Это третий истребитель, произведённый в Европе, наряду с Eurofighter Typhoon и Rafale, правда, двигатель поставляет американская General Electric.

Шведская группа рекламирует свой продукт как современный, но недорогой многоцелевой истребитель. В 2015 году британское агентство IHS Jane's по поручению Saab провело исследование, в котором рассчитало стоимость часа полёта истребителя, исходя из стоимости всего жизненного цикла самолёта (покупка, техническое обслуживание и модернизация). В итоге оказалось, что эта стоимость варьируется от 21 тыс. долл. для F-35 до 16–18 тыс. долл. для Typhoon и Rafale и 4,7 тыс. долл. для Gripen.

Сегодня крупнейшим международным заказчиком шведских истребителей является Бразилия: в 2014 году она заказала 36 единиц, 24 из которых будут собираться в самой Бразилии – в муниципалитете Гавиан-Пейшоту. Saab согласилась на трансфер технологий, обучение бразильских инженеров и рабочих в Швеции и использование некоторой южноамериканской электроники. Изучение компанией инноваций, которые будут применены в будущем Tempest, может предложить идеи для модернизации Gripen E.

Saab сотрудничает с Boeing в проекте по производству нового учебно-тренировочного самолёта T-7A Red Hawk, который будет использоваться для обучения своих пилотов ВВС США. Шведская группа обладает 10 %-ным участием в проекте и уже открыла новый завод в Уэст-Лафайетт (штат Индиана). Ожидается, что в США будет произведена 351 единица T-7A. Как бы то ни было T-7A выйдет и на международный рынок в качестве тренажёра для пилотов F-35. Saab может найти там частичную компенсацию уже упомянутой упущенной выгоды, связанной с потерей европейского рынка для Gripen.

«Одиннадцать европейских стран, эксплуатирующих или запросивших F-35, – пишет американский аналитик

Саш Тьюса в Aviation Week & ST, – сделала истребитель самым заказываемым самолётом в Европе, то есть, безусловно, настоящим «euro fighter»».

Самолёты радиолокационного наблюдения и подводные лодки

Портфель заказов Saab также включает контракт на миллиард долларов на поставку в Объединённые Арабские Эмираты пяти систем Global Eye, а именно самолётов AEW & C (Airborne Early Warning & Control). Saab будет поставлять радиолокационные и электронные системы наблюдения, встроенные в самолёты бизнес-класса Bombardier, способные выполнять непрерывные полёты продолжительностью более 10 часов. На сферу оборонной электроники приходится треть всего оборота Saab.

На данный момент Saab также контролирует производителя подводных лодок Kockums. В период 1996–2003 гг. последняя произвела совместно с ASC (Australian Submarine Corp.) шесть подводных лодок Collins, находящихся сейчас на вооружении ВМС Австралии. Государственная группа Kockums была приватизирована в 1999 году в пользу немецкой HDW, право собственности на которую в 2002 году перешло к американскому фонду One Equity Partners (OEP). Наконец, в 2004 году произошёл переход Kockums под управление немецкого производителя подводных лодок TKMS (ThyssenKrupp Marine Systems). В 2014 году (когда произошло вторжение России в Крым), в соответствии с твёрдым решением шведского правительства, Kockums была куплена Saab и запущен новый проект подводной лодки под названием A26.

Даты этих событий имеют определённое значение. Согласно реконструкции Fondation pour la Recherche Stratégique, опубликованной в обзоре «Defense & Industries» за июнь 2014 года, американский фонд OEP поощрялся администрацией Джорджа Буша – младшего с целью поставки Тайваню технологии неатомных подводных лодок. Вмешательство TKMS было, напротив, продиктовано желанием не раздражать Пекин поставками на остров европейской технологий. Наконец, вмешательство Saab было призвано сломать lacci e laccioli¹, которые TKMS заложила при разработке A26.

Мы знаем, что, в соответствии с соглашением AUKUS, новые австралийские подводные лодки, которые заменят Collins, будут атомными и произведены американской промышленностью. Однако в Канберре растут опасения, что между выходом на пенсию Collins и появлением новых атомных субмарин возникнет разрыв. По этой причине и Хельсинки, и Париж, пишет Le Figaro, предлагают свои обычные подводные лодки в качестве «моста» к следующему десятилетию. Мы видим, как снова и снова проявляется противостояние Европы и США.

Сентябрь 2022 г.

1 – Дословно «силки и силочки» – выражение используемое в отношении многочисленных препятствий, больших и малых, очень часто, если не только бюрократических, которые мешают реализации чего-либо.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ SAAВ И PATRIA

	Saab	Patria
Воздухоплавание	31,4	20,0
Ракеты и боеприпасы	22,3	(*)
Электроника и радары	33,7	13,8
Подводные лодки	9,0	
Бронированные автомобили		8,5
Крупное техническое обслуживание		57,7
Другое		3,6

Процентная доля в общем обороте компаний по состоянию на 2021 г.

Примечание: *) в баланс Patria не включена информация о деятельности Nammo.

Источники: финансовая отчётность компаний.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАКАЗЧИКИ F-35

Великобритания	138	Финляндия	64
Италия	90	Швейцария	36
Норвегия	52	Германия	35
Нидерланды	46	Бельгия	34
Дания	27	Польша	32
		Чехия	24
		Всего	578

Количество единиц, предусмотренное отдельными национальными планами.

Примечание: страны, указанные в левой колонке, участвовали в программе, в правой колонке указаны только заказчики; в настоящее время имеется заказов на поставку 494 единиц.

Источники: RID, Defense News, Aviation Week & ST.

General Electric

Руководство General Electric (GE) приняло решение о радикальном преобразовании концерна в ближайшие два года. На смену нынешнему конгломерату придут три независимые компании, занимающиеся производством авиационных двигателей, энергетической инфраструктуры (электросетей, турбин и ветрогенераторов) и медицинского оборудования.

GE была основана в 1892 году компанией Morgan Group, которая объединила Thomson-Houston с компанией изобретателя электрической лампочки Томаса Алвы Эдисона. В течение последнего столетия GE сопровождала взлёт электроэнергетики и быстрое развитие промышленности. По выражению *Le Monde*, упразднение компании – это «эпилог американской легенды».

Длительная реструктуризация

13 февраля пройдут региональные выборы в испанском автономном сообществе Кастилия-Леон, где в настоящее время у власти находится Народная партия (НП), главная оппозиционная сила в стране. Тем временем правительство ведёт сложные парламентские переговоры по утверждению обновлённой трудовой реформы. Фактически это заключительный акт десятилетней реструктуризации, в результате которой GE снова стала группой, ориентированной на промышленность, хотя и с вдвое меньшим товарооборотом. В 2013 году компания была целиком продана NBC Universal, владеющей второй по величине телевизионной сетью Америки, приобретённой в 1980-х годах. В 2015 году группа также рассталась с большей частью своей финансовой деятельности (GE считалась 7-м по величине банком в США): эти активы перешли к канадскому холдингу Wells Fargo и BNP Paribas.

В 2016 году подразделение, производящее крупную бытовую технику (исторический бизнес, уступающий в США только бренду Whirlpool), было куплено китайской компанией Haier. В 2018 году GE продала производство дизельных локомотивов, значимых для грузовых перевозок в стране, а в следующем году – контрольный пакет акций компании Baker Hughes (производящей нефтегазовое оборудование, в том числе для морской и сланцевой добычи). Наконец, она уступила контроль над бизнесом по лизингу коммерческих самолётов (2.000 самолётов, обычно арендуемых авиакомпаниями-лоукостерами).

Если проводить анализ в среднесрочной перспективе, сокращение штата и реструктуризация General Electric являются следствиями финансового кризиса 2008 года, энергетического перехода и пандемии столетия, наполювину парализовавшей воздушное сообщение. Однако в более общем плане эти процессы отражают влияние глобальных факторов, годами ослаблявших американский капитализм относительно его конкурентов, что имело последствия и для его промышленных символов.

GE – зеркало США

Примечательно, пишет *The Economist*, что GE за почти 130 лет своего существования «точно отразила основные характеристики американского капитализма», а именно: «стремительная экспансия, затем глобализация, за которой последовала реструктуризация, когда модель конгломерата вышла из моды» (13.11.2021).

Что касается стремительной экспансии, то достаточно взглянуть на первую половину XX века. Холодиль-

ники, стиральные машины, электроплиты и радиоприёмники вошли в американские дома в 1920-х и 1930-х годах именно под маркой GE. Во время войны оборот группы увеличился в четыре раза. GE производила радары и судовые двигатели. В послевоенный период она перешла к производству реактивных двигателей военного и гражданского назначения, а также силовых установок стратегических атомных подводных лодок.

Расцвет группы пришёлся на период с 1981-го по 2001 год – время руководства Джека Уэлча. На протяжении этих 20 лет безудержной глобализации основным принципом было захватить место, расти и преуспевать. За этот период GE совершила 600 операций поглощения; на рубеже веков группа обладала крупнейшей капитализацией в мире (около 600 млрд долл.) и тратила больше всех на лоббистские услуги. Оказавшись летом 2018 года за пределами индекса Доу-Джонса, где она находилась на протяжении 110 лет, группа пережила шок.

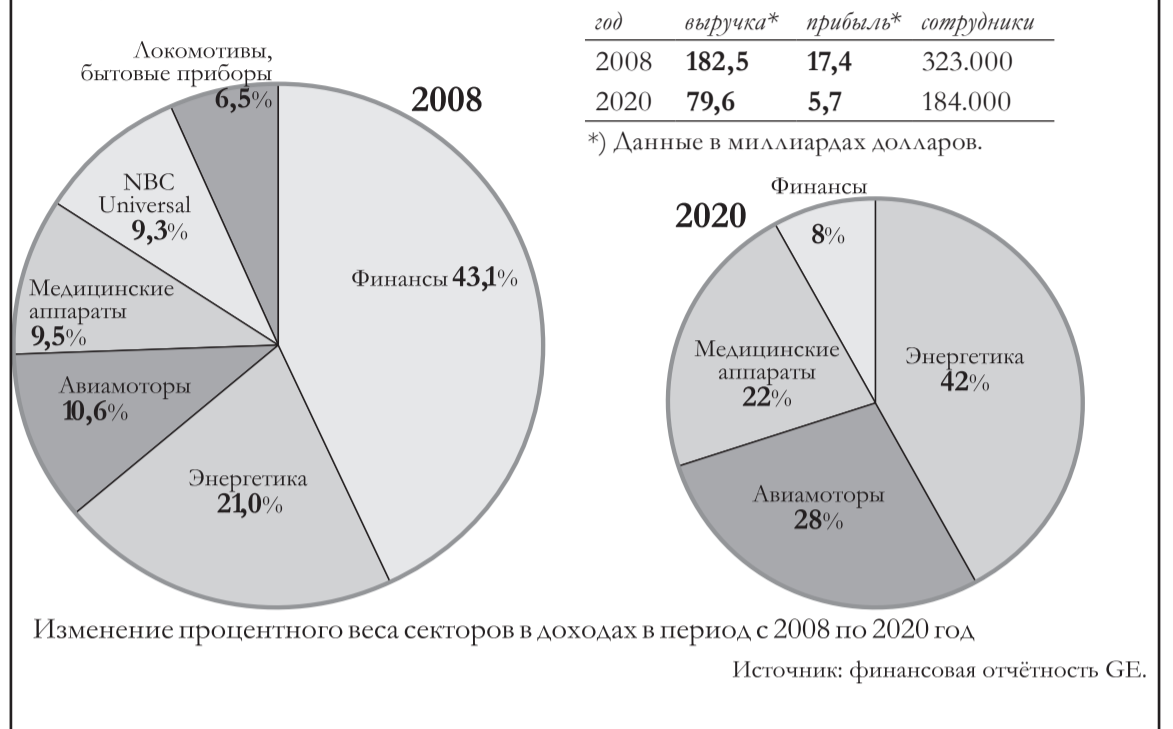
Годы после кризиса глобальных отношений Джеффри Иммельт (преемник Уэлча) называет полными неопределённости. По его мнению, американские компании, в том числе GE, могут оставаться конкурентоспособными, если они будут «отважно» шагать в сторону международного рынка. В своём выступлении в Нью-Йоркском университете весной 2016 года генеральный директор GE привёл пример производства дизельных локомотивов, которое когда-то было сосредоточено на одном заводе, а затем разрослось до сети предприятий, расположенных вблизи рынков сбыта. В то время он имел в виду завод в Бихаре (Индия), производственная мощность которого должна была составить 1.000 единиц продукции в год. Но в 2017 году правительство Индии решило электрифицировать большую часть железнодорожной сети и заблокировало сделку. Такого влияние «волатильной мировой экономики, более нестабильной, чем когда-либо на моей памяти», говорил сам Иммельт, выступая перед студентами в Нью-Йорке.

Миллиард пациентов GE Healthcare

Теперь обратимся к «новой» GE. В начале 2023 года от конгломерата отделилась первая независимая компания (сейчас она называется GE Healthcare). Речь идёт об одной из ведущих (наряду с Siemens и Philips) групп сектора с доходами 18 млрд долл. США за 2020 год и 47 тыс. сотрудников. Четыре миллиона производимых компанией аппаратов установлены в больницах и ежегодно используются миллиардом человек для проведения различных обследований: неслучайно 45 % доходов группы приходится на услуги по обслуживанию самого оборудования.

Первоначально GE Healthcare нацелилась на китайский рынок, второй по величине в мире после США. Однако медицинское оборудование – это сектор, который Пекин решил включить в свою программу «Made in China 2025» с целью добиться того, чтобы 70 % оборудования производилось внутри страны. Компания Mindgray из Шэньчжэня, основанная

ДВЕ РАЗНЫХ GENERAL ELECTRIC

в 1991 году, уже занимает третье место в мире по производству ультразвукового оборудования после GE и Philips, а теперь расширяет ассортимент производства, добавляя в него эндоскопы и аппараты искусственной вентиляции лёгких для детей. Компания Shanghai United Imaging уже контролирует 15 % доли рынка аппаратов сканирования мозга.

GE Aviation: два двигателя из трёх

Итоги 2020 года для подразделения GE по производству авиадвигателей отмечены падением продаж на треть и сокращением 13 тыс. человек. Приостановка воздушного сообщения из-за пандемии привела к снижению продаж, но прежде всего спроса на услуги по техническому обслуживанию двигателей – ключевой источник доходов для группы. Ближайшие перспективы пока неясны, но GE и её совместное с французской компанией Safran предприятие CFM являются мировыми лидерами.

Доходы компании GE Aviation составляют 22 млрд долл., а количество сотрудников – 40 тыс. человек. 37,7 тыс. двигателей производства этой компании используются в гражданских самолётах по всему миру (64 % от общего числа), а 26,5 тыс. – в военных. По данным *Aviation Week & ST*, к концу десятилетия общее число возростёт с 64,2 до 84,4 тысяч.

На бумаге у GE Aviation нет никаких проблем после восстановления гражданского воздушного сообщения. В начале текущего десятилетия она уже заказала 6,6 тыс. двигателей LEAP, которые потребляют на 15 % меньше топлива, для самолётов средней дальности Airbus, Boeing, а также китайской компании Comac. Всё это при условии, что энергетический переход не приведёт к внедрению новых типов двигателей.

Тучи над GE Renewable Energy & Power

Энергетическое подразделение, самое крупное из всех, но и имеющее самые туманные перспективы, отделился от группы в начале 2024 года. Сегодня его оборот составляет 33 млрд долл. США, на его счету 7 тыс. установленных турбин и 400 ГВт ветроэнергетических мощностей. Здесь работают 74 тыс. человек.

С одной стороны, GE Renewable Energy рассчитывает на уверенный рост ветроэнергетики. Согласно анализу,

приведённому в *Wall Street Journal*, 75 % рынка к концу десятилетия будут контролировать пять производителей крупных ветряных турбин. GE рассчитывает оказаться среди них, заявляет её новый генеральный директор Ларри Калп, и сможет опереться в том числе на предусмотренные планом Джо Байдена инвестиции в инфраструктуру национальных парков страны.

С другой стороны, GE Power вынуждена иметь дело с неопределённостью в том, что касается электростанций, работающих на ископаемом топливе. Ей также предстоит «переварить» приобретение французской Alstom, которое состоялось в 2014 году в связке с Siemens, после преодоления сопротивления со стороны французского правительства. GE вышла из этой борьбы победителем, но Alstom является крупным производителем турбин и котлов для угольных электростанций, перспективы которых сейчас поставлены под вопрос. В случае газовых электростанций МЭА прогнозирует устойчивый рост их числа в Азии, но медленное снижение в «развитых» странах (где производственные мощности Siemens и GE в три раза превышают спрос).

Тренды технологического развития определяют то, что будет происходить в процессе энергетического перехода, создавая возможности для использования возобновляемых источников энергии. Однако то, в каких пропорциях и с какой скоростью будет осуществляться переход, ещё неясно, потому что это станет результатом технологической конкуренции, сражений между крупными группами, секторами и державами.

Случай Honeywell и школа антитраста

Стоит напомнить, что летом 2001 года еврокомиссар Марио Монти отклонил дружественное поглощение компанией GE компании Honeywell. Европа впервые заблокировала сделку между двумя крупными американскими группами, которая уже получила одобрение Антимонопольного управления США. Монти не хотел создания колосса, который мог бы производить двигатели, авионику и вместе со своей компанией по лизингу самолётов являлся бы покупателем 8 % самолётов в мире.

Без революции нет настоящего мира

Сегодня вокруг наёмных рабочих сжимаются «два рога инфляции», как мы их назвали. Повышение цен, во многом движимое ростом цен на энергоносители и сырьё, наряду с очевидным снижением покупательной способности также несёт в себе риск отраслевых или корпоративных кризисов с применением если и не увольнений, то массовой отправки в так называемую интеграционную кассу (CIG)¹.

Неизвестные факторы экономического цикла

Прогнозы на ближайшие годы не кажутся благоприятными. «Прогнозный отчёт» Конфиндустрии от 8 октября указывает на перспективу «инфляции и стагнации»: в 2023 году темпы роста цен, хотя и немного замедлятся, будут «всё ещё вдвое выше таргета Европейского центрального банка» и составят 4,5 % (по оценке МВФ – 5,2 %), в результате чего уровень потребления снизится на 3 % относительно уровня 2019 года.

Что касается занятости, то война заморозила постпандемическое восстановление, хотя в некоторых секторах, таких как торговля и транспорт, спад так и не был преодолен: между осенью и зимой 2022 года ожидается снижение занятости, а восстановится она только во второй половине 2023 года. При этом надо помнить, что над всеми прогнозами довлеют неизвестные факторы войны и инфляции. Предыдущее моделирование, проведённое всё тем же исследовательским центром Конфиндустрии и исходящее из предположения о росте цен на энергоносители, демонстрирует, что в конце 2023 года случится рецидив, и рабочие места потеряют от 383 до 582 тыс. человек.

Во всём этом есть нечто парадоксальное. Немецко-испанская группа Siemens-Game-sa (один из мировых лидеров по производству ветряных электростанций и лидер в морском секторе) объявила о сокращении 2,9 тыс. рабочих мест по всему миру: цены на сырьё, хаос в поставках, а теперь вдобавок и последствия войны на Украине, поставили в затруднительное положение в том числе и компании, связанные с «возобновляемыми источниками энергии», которые, казалось, должны были дать противодействие от углеводородной инфляции.

В Италии в зоне риска по-прежнему находится автомобильный сектор, где к электрическому переходу, который и так не обходится без затрат, добавляются непредвиденные обстоятельства: опрос, проведённый по заказу Итальянского союза работников металлообрабатывающей промышленности (UILM) и опубликованный *Il Sole-24 Ore* 1 октября, демонстрирует, что в опасности находятся от 110 до 120 тыс. рабочих мест.

Парламентские литургии и реакция класса

Сегодня подвергается испытанию способность рабочих реагировать на все эти накопленные за долгое время трудности. Это многообразие вызовов требует общей реакции класса, причём в самые короткие сроки. Но вместо этого мы видим парламентские литургии и, что самое печальное, подчинение профсоюзов этим так долго превалировавшим обычаям: ожидание формирования правительства, ожидание приглашений, выслушивание того, что скажут партии, и лишь затем, если что-нибудь случится, реагирование.

Соблюдение этих литургий означает потерю времени и, учитывая момент, пре-

жде всего зарплаты. Потребность в соответствующем инфляционному росту заработной платы является вопросом уже сегодняшнего дня, потому что сейчас инфляция достигла 9 %, при этом цены на продукты питания увеличились на 11 %, цены в счетах за коммунальные услуги испытывают экспоненциальный рост и так далее.

Также из «Отчёта» Конфиндустрии следует, что за двухлетний период 2022–2023 годов реальная заработная плата снизится на 4,5 % и в итоге будет на 1,1 % ниже, чем в 2021 году. Мы также можем вспомнить, что в период с 1990 по 2020 год заработная плата в Италии упала на 2,9 %, и это единственная страна ЕС, которая пережила откат. Выводы делаются быстро и требуют срочной реакции.

Защита заработной платы

Проблема затрагивает всех наёмных работников. Люк Триангл, генеральный секретарь ассоциации профсоюзов промышленного сектора IndustriAll Europe, пишет, что «европейским рабочим необходимо значительное повышение заработной платы», а не «умерение своих требований», поскольку «реальная заработная плата резко упала во всей экономике континента». Во всяком случае именно «работодатели должны взять на себя свои обязательства», потому что «деньги есть, но они идут только на дивиденды и оплату труда руководителей, а не на заработную плату» (1 октября).

В Германии начался сезон продления контрактов с металлургами и государственными служащими. Химики, которые весной согласились лишь на «задаток», теперь получили 6,5 %-ную надбавку двумя траншами плюс 3 тыс. евро, не облагаемые налогом, в качестве компенсации инфляции.

Предприниматели-металлисты уже принимают меры предосторожности. Президент Gesamtmetall Штефан Вольф вопрошает, как при этом росте затрат «мы можем выдержать рост расходов на персонал?». «Необходимо [напротив] подумать о Nullrunde» (то есть о том, чтобы оставить заработную плату на прежнем уровне) или в крайнем случае о дифференциации контрактов на уровне компании (*Handelsblatt*, 10.10.2022). И заключает: «Профсоюз должен решить, предпочитает ли он работать с нами для того, чтобы создавать привлекательную промышленную страну, или устроить беспорядок». С помощью этой убогой терминологии он пытается развешать неотъемлемое требование повышения заработной платы пропорционально инфляции.

Реакция профсоюза не заставила себя ждать. IG Metall повторил требование о повышении заработной платы на 8 %, причём имелось в виду «не разовое повышение», «это должно быть постоянное повышение», которое рабочие «заработали за время всех кризисов последних нескольких лет» (14.10.2022). Со своей стороны, профсоюзы государственных служащих просят 10,5 % прибавки.

По поводу этих необычных цифр следует отметить комментарий той же немецкой газеты предпринимателей: «Тот деятель профсоюза, который сегодня пытается урвать как можно больше для его членов, – неудачник в своей профессии» (13.10.2022). Понят ли этот намёк?

Но эта задача не из лёгких ни в Германии, ни где-либо ещё. Кроме того, как мы уже говорили, есть компании, которые помеща-

СУТЬ МОМЕНТА

«Немедленный мир» – таков был один из лозунгов Революции в России всего 105 лет назад, в ноябре 1917 года. Взвзвывая штурмом Зимний дворец большевики были единственными, кто на деле положил конец резне первой мировой войны, пусть только на восточном фронте. На западном фронте военная забастовка, сопровождавшая разгром итальянской армии при Капоретто, или мятежи в окопах, происходившие во время Битвы на Сомме, подавлялись расстрелами. Здесь не было революционной партии, которая могла бы дать организацию и стратегию рабочим и крестьянам в погоне с их стихийным и отчаянным отказом от войны. Победила слепая свирепость коллективных процессов и децимаций. Только большевики Ленина преуспели в крайне дерзкой задаче превратить войну в революцию: мир нужно было завоёвывать с оружием в руках, настраивая рабочих и крестьян против буржуазии и династий, спровоцировавших эту войну.

Этот исторический урок был в значительной степени утрачен: теперь, когда война снова бушует и в Европе, его необходимо заново открыть, изучить, восстановить в интернационалистском сражении. Война позволяет поэкспериментировать с идеологиями для новых железных времён мирового противостояния. *Европеистский интервенционизм*, который от имени украинского национализма поддерживает европейский империализм и присоединяется к американскому; *пророссийский интервенционизм*, по привычке послушный российскому империализму; *странный вооружённый пацифизм*, который становится *империалистическим европеизмом* и поддерживает создание общеевропейской армии и перевооружение старушки Европы: он даже нашёл в качестве попутчика Ватикана президента Франции Эмманюэля Макрона – человека, который держит палец на красной кнопке атомной бомбы. Из всех идеологий самой фальшивой является та, которая утверждает, что Европейский союз – сила мира, потому что он восстал из пепла двух мировых войн. Ленин учит: пока сталкиваются капиталы и империализмы, мир будет лишь передышкой между войнами. Сегодня в отношении войны Европа по сути пытается усидеть на двух стульях. С одной стороны, она перевооружается и участвует в войне по доверенности, ведущейся Североатлантическим альянсом и в случае его победы предусматривающей раздел Украины с её вступлением в ЕС. С другой стороны, она играет на поле диалога с Москвой, прощупывая возможность достичь перемирия, чтобы добиться определённой автономии от Соединённых Штатов. Только революционное единство украинского, русского, европейского, американского, китайского и в целом мирового пролетариата – другого пути нет. Под властью капитала никакой настоящий мир невозможен.

ют работников в CIG. Здесь уровень защиты заработной платы требует пересмотра или по крайней мере приведения к уровню кассы. Пару лет назад мы подсчитали, что в Италии там покрывалось всего около 60 % зарплаты работника средней квалификации. Сегодня эта цифра снизится как минимум ещё на 10 %, если заработная плата не будет поспевать за инфляцией.

Предпосылкой любой реакции со стороны рабочих должно являться классовое видение: наёмные работники не должны платить за кризисы и войны, которые капитализм порождает сегодня и обещает породить в ещё большем количестве в будущем. Прежде всего, необходимо видение интернационального класса. Условия, в которых находятся итальянские рабочие, сходны с теми, в которых находятся все европейцы.

Видение интернационального класса

Мы зафиксировали наличие эпизодов борьбы в других странах. Забастовки прошли среди докеров в Англии, требовавших повышения заработной платы для компенсации инфляции, которая составляет там 12,3 %, и в Германии, где было одобрено соглашение, предусматривающее немедленное повышение от 7,9 до 9,4 %. 1 октября возобновились забастовки английских железнодорожников.

Во Франции сообщалось о волнениях против высокой стоимости жизни, сотрясавших крупных ритейлеров и страховые компании, нефтеперерабатывающие и автомобильные заводы (Stellantis). В декабре должен досрочно открыться сезон обязательных ежегодных переговоров о заработной плате» (*Le Monde*, 27.09.2022).

Весь континент усеян подобными эпизодами без какой-либо явной координации: это та почва, на которой должен работать настоящий европейский профсоюз.

Что касается обязательств ленинцев, то наша перспектива обращена к тому, чтобы открыть горизонт всему классу наёмных рабочих и сделать пролетарский интернационализм его живой практикой. Это навязывается нам теми условиями, в которых сегодня оказался мир труда, но, прежде всего, противоречиями между державами, которые уже взорвались войной в Европе.

Октябрь 2022 г.

1 – Подразделение государственного пенсионного фонда Италии, компенсирующее наёмным работникам часть заработной платы в случае вынужденного простоя предприятия.

Андалусия и испанские политические карты

Мы публикуем серию статей наших испанских товарищей из газеты el Internacionalismo.

На региональных выборах в Андалусии одержал победу – единодушно признанную «исторической» для Народной партии (НП) – Хуан Мануэль Морено Бонилья, который, хотя и родился в Барселоне (1970), но жил и проходил политическое обучение в Малаге: его партия получила вдвое большее по сравнению с имеющимся количеством мест (58) в региональном парламенте и обеспечила себе абсолютное большинство. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) со своим кандидатом Хуаном Эспадасом (мэром Севильи) получила 30 мест. Правые популисты «Вокс» продвинулись вперёд, но по-прежнему не оказывают влияния на региональное правительство. «Сьюдаданос», либерально-центристская партия, родившаяся вместе с новым политическим циклом, потеряла один из последних остатков местной власти. А «Унидас Подемос» и левые максималисты сильно сократили там своё присутствие. Сейчас в Испании вновь открывается дискуссия о последствиях, которые результаты выборов в Андалусии вызовут на национальном уровне.

В апреле, после объявления о «досрочных» выборах, севильский журналист Карлос Мармоль заметил в каталонской *La Vanguardia*, что это решение Морено было принято «после второго тура президентских выборов во Франции, где Марин Ле Пен получила 40 % голосов», и с учётом «динамичного сценария на национальном уровне».

Сейчас Морено может сам выбирать, будет ли его партия зависеть от «Сьюдаданос», с которой НП уже делила региональную правительственную коалицию, или от партии «Голос», совместно с которой Альберто Нуньес Фейхоо (новый национальный лидер НП, находящийся в национальном парламенте в оппозиции) уже составил «навигационную карту». Для Фейхоо же, бывшего автономного барона Галисии, настало время проверить свою менее централизованную линию в территориальном контексте. Но это также важный тест и для левой коалиции центрального правительства Педро Санчеса, управляемого ИСРП и «Унидас Подемос», которая будет оценивать степень своего износа, вызванного сочетанием многочисленных внешних потрясений и внутренних кризисов.

Фактически Андалусия, учитывая её демографический, экономический, политический и исторический вес, является «подходящим термометром для измерения декантации политической шахматной доски».

Андалусия, Европа...

Автономное сообщество Андалусия – самый густонаселённый регион Испании с 8,5 млн жителей и третий по экономическому весу после Мадрида и

Каталонии. В первые четыре десятилетия демократии Большой Юг, говорящий на кастильском языке (языке Кастилии и её колоний), был электоральной житницей социалистов. Из её столицы Севильи происходит католик Фелипе Гонсалес – отец современной ИСРП, воссозданной в 1970-х годах благодаря политическому и финансовому вкладу Социалистической партии Франции и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). После перехода от франкизма к демократии Гонсалес в течение 14 лет (1982–1996) был Председателем правительства Испании.

Некоторые из андалузских провинций принадлежат к так называемой «пустой Испании», а также к сельской Испании, такие как Хаэн – эпицентр европейской жакерии производителей оливок, которая два года назад, перегрузив дороги и городские центры тракторами, протестовала против увеличения зарплат, а также из страха сокращения (в результате экологического перехода) европейских сельскохозяйственных фондов, выделяемых в рамках Единой сельскохозяйственной политики Европейского союза.

Но мы также находим здесь и «другую Испанию», или экономически динамичные провинции, которые, оставшись в стороне от традиционной конфронтации между центром и Каталонией, в 1980-х годах смогли использовать средства ЕС для своей модернизации. Первая высокоскоростная железнодорожная линия, открытая в 1992 году, на которой эксплуатировались вагоны французской Alstom и локомотивы немецкой Siemens, соединила с Мадридом именно Севилью.

Однако в последние годы в качестве «экономической столицы Андалусии» (Энрик Хулиана, *La Vanguardia*) выдвинулась Малага. Здесь, в том числе ценой разжигания «старого соперничества» с Севильей, новые развивающиеся хай-тек-компании стремятся привлечь европейские средства для электротехнической и цифровой реструктуризации. Именно в этом секторе правительство Санчеса решило разместить более 12 млрд евро в рамках Плана восстановления, что является наибольшей долей, выделенной до сих пор какой-либо отрасли.

...и мир

Андалусия также является точкой «соприкосновения» между Европой и Африкой. Стратегический Гибралтарский пролив был воротами в халифат Омейядов, который на протяжении веков правил Аль-Андалусом (так назывался полуостров по-арабски), оставив неизгладимый след в культуре, кастильском языке, обычаях и социальных структурах, политике и урбанистике. Но с другой стороны, для испанцев Андалусия была и остаётся площадкой для осуществления их средиземноморской проекции.

Завершение на полуострове христианской Реконксты 2 января 1492 года в

Гранаде явилось предпосылкой завоевания Нового Света, начавшегося с отъездом Христофора Колумба 3 августа того же года из андалузского порта Палос-де-ла-Фронтера (провинция Уэльва). Севилья тогда оказалась «превращённой в обязательный мост между двумя берегами Атлантики», порт, через который из колоний текли золото и серебро, а в них – товары народного потребления, «перекрёсток миров, место скопления торговцев, испанских и иностранных – генуэзских, фламандских, немецких». Она также была известна как «великая карта всех народов». Так, Фернандо Гарсия де Кортасар в своей работе 2021 года «*Paisajes de la historia de España*» описывает этот город как торговый центр империи, раскинувшийся на пяти континентах, над которым никогда не заходило солнце.

Многие испанцы осмеливаются считать этот процесс настоящей «первой глобализацией». Де Кортасар, однако, вспоминает, что «пять кораблей Магеллана отплыли 10 августа 1519 года [именно из Севильи], а Элькано прибыл в Севилью три года спустя» (соответственно речь идёт о португальцах и испанцах, которые совершили первые полноценные кругосветные плавания).

Несмотря на исчезновение империи, в иберийской политической культуре вообще и в андалузской в частности остаются, помимо прочно укоренившегося атлантизма, ещё и представления о собственной исключительности.

Андалусия и автономии

В современной Испании с возникновением локальных фракций буржуазии появился и специфический «андалузский национализм» в облике каталонского, баскского и галисийского.

Его духовный отец Блас Инфанте (1885–1936), как предполагается, оказался в братской могиле, расстрелянный солдатами, восставшими против Второй республики. Андалузский проект был похоронен вместе с ним до конца диктатуры Франко (1939–1975), которая подавляла региональные администрации на протяжении четырёх десятилетий. Андалузский национализм сразу же нашёл место в демократическом транзите, несмотря на то, что Адольфо Суарес (1932–2014), бывший франкист и лидер нового центра, который взял на себя председательство в правительстве в деликатном переходе к демократии, был против оплаты андалузского «кофе».

«Кофе для всех» – формула, подразумевающая предоставление широкой автономии всем регионам, но в разной степени, вошла в историю как решение, разрешившее дихотомию между автоно-

мистскими устремлениями так называемых «исторических национальностей» (Страна Басков, Каталония и Галисия) и страхом других провинций перед необходимостью оплачивать преимуществ, особенно фискальные, которые могли получить эти национальности.

Хосе Мануэль Гарсия-Маргальо, бывший министр иностранных дел в правительстве Мариано Рахоя из НП, в своей книге 2020 года «*Memorias heterodoxas: De un político de extremo centro*» рассказывает об этой истории со своей особой точки зрения так называемых младотурков – самых ярких сторонников Суареса среди молодых депутатов от Союза демократического центра (СДЦ), крупного избирательного картеля, состоящего из 10 национальных и 5 региональных партий: «На заре перехода он стремился сосредоточиться только на баском и каталонском вопросах, отложив остальные притязания до греческих календ. Это была первоначальная идея Суареса [...], но она дала течь, когда собрания парламентариев обратились к [формуле] «кофе для всех». А затем просто взорвалась, когда ИСРП ухватила за зелёно-белый флаг Омейядов, преобразованный в андалузский символ [выбранный в то время Бласом Инфанте, а сегодня являющийся региональным флагом]. Мы были наивны».

Горький кофе для христианских демократов

28 февраля 1980 года был проведён референдум об «инициативе автономии Андалусии». Суарес и СДЦ выступали в пользу воздержания, но 55,4 % избирателей восьми провинций проголосовали «за», в результате чего победу в битве одержал социалист Фелипе Гонсалес, сделавший ставку на автономию. Фактически был открыт путь для быстрых и глубоких автономистских процессов для всех остальных регионов, что дало жизнь нынешнему государственному устройству.

Для СДЦ это стало «переломным моментом»: тогда даже среди младотурков распространилось убеждение в том, что Суарес «неспособен создать настоящую политическую партию и руководить ею», и это положило начало упадку христианско-демократического проекта. В январе 1981 года Суарес подал в отставку. Президентство перешло к Леопольдо Кальво-Сотело (СДЦ), и во время его вступления в должность (23 февраля 1981 года) произошла знаменитая попытка военного переворота, ставшего реакцией на децентрализацию государственной власти. Усиленная ИСРП Гонсалеса не только выиграла выборы в законодательные органы в 1982 году, но с тех пор непрерывно управляла Андалусией в течение 37 лет до вступления в должность Морено в 2018 году.

Как бы ни менялись цвета испанских политических карт в ближайшем будущем, они все по-прежнему будут присутствовать, а также будут иметь вес и цвета флага Омейядов.

ВЫБОРЫ В АНДАЛУСИИ	2022 год, 19 июня			2018 год, 2 декабря			2015 год, 22 марта		
	Голоса	%	Места	Голоса	%	Места	Голоса	%	Места
Избиратели	6.642		109	6.542		109	6.284		109
Абсентеисты, незаполненные и испорченные бюллетени	2.726	41,0		2.980	45,6		2.362	37,6	
Народная партия (НП)	1.582	23,8	58	751	11,5	26	1.064	16,9	33
Испанская социалистическая рабочая партия Андалусии (ИСРП-А)	884	13,3	30	1.011	15,5	33	1.409	22,4	47
«Вокс»	494	7,4	14	397	6,1	12	18	0,3	0
«За Андалусию»*	282	4,2	5	586	9,0	17	590	9,4	15
«Вперёд, Андалусия»	168	2,5	2				274	4,4	5
«Сьюдаданос»	121	1,8	0	661	10,1	21	369	5,9	9
Правая	2.197	33,0	72	1.809	28,0	59	1.451	23,0	42
Левая	1.333	20,0	37	1.597	24,0	50	2.273	36,0	67

Голоса в тысячах; проценты от общего числа избирателей.

Примечание *) включая также «Подемос» и «Унидас Подемос».

Источник: Junta de Andalucía.

Июнь 2022 г.

Атлантический фактор испанских партий

В новом европейском политическом цикле отношение парламентских партий к Брюсселю становится всё более весомой детерминантой происходящего в рамках национальных циклов. В случае с Испанией и Италией мы уже говорили о «факторе Европы», или «факторе Е», влияние которого было усиленно шоком пандемии. Италия и Испания, кроме прочего, являются крупнейшими бенефициарами масштабного общеевропейского антикризисного плана, предварительное условие которого – «занятие чёткой стратегической позиции» в рамках ЕС.

Новый шок войны на Украине, с одной стороны, демонстрирует, что европейский империализм отстаёт, когда речь заходит об обороне. С другой стороны, этот кризис также показывает, насколько характерной отличительной чертой испанского политического ландшафта остаётся «атлантический фактор», заметный как во внутреннем, так и во внешнем измерениях, особенно когда дело доходит до проекции его во внешнюю политику по отношению к Латинской Америке, Магрибу, Восточному Средиземноморью и Азии. В данном контексте в том числе и августовский кризис, связанный с визитом представительницы Демократической партии и спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси на Тайвань, позволяет пролить свет на видение Мадридом треугольника США – ЕС – Китай.

Испания Санчеса

Социалист Педро Санчес, лидер Испанской социалистической рабочей партии (ИСПР) и действующий премьер-министр, продемонстрировал свою приверженность атлантизму на саммите НАТО в Мадриде (прошедшем 28–30 июня), что было признано «успехом» и внутри страны, и за рубежом. По этому случаю Санчес подтвердил готовность, пусть и сбалансированную, поддерживать Украину и направлять туда оружие. Санчес противостоит сейчас нескольким опасностям: напряжённости в правящей коалиции между ИСПР и «Подemos», слабым электоральным показателям по итогам выборов в нескольких регионах, критике со стороны младших партнёров, жесткой оппозиции набирающей силу Народной партии (НП) и ухудшению экономической ситуации из-за войны. Но сделанная в музее Прадо, где принимали гостей саммита, фотография – на ней Марио Драги по телефону предупреждают о правительственном кризисе, достигшем его по возвращении в Рим – стала итальянским зеркалом, которая отразила относительную устойчивость испанской политической системы, возможно – временную.

Тем не менее Санчес считает себя связанным с Рейнской осью и даёт понять, что не отказывается от диалога с путинской Россией. «Испания считает, что в полной мере представлена Германией и Францией, когда речь заходит об этом аспекте, и мы полагаем, что когда придёт время мирных переговоров, на эти две великие державы должна будет лечь обязанность представлять Европу», – утверждает он в интервью каталонской *La Vanguardia*.

Испанское правительство объявило о плане удвоить военные расходы (довести их до 2 % ВВП) и увеличить число эсминцев противоракетной системы НАТО на военно-морской базе Рота в Андалусии с четырёх до шести.

Мадрид, где (в отличие от Парижа) немало доброжелательно относящихся к Анкаре, также стал площадкой для переговоров и соглашений между Турцией, Швецией и Финляндией, на которой был запущен процесс вступления скандинавских стран в НАТО.

Что касается Китая, то испанец Хорхе Толедо Альбиньяна в сентябре станет новым уполномоченным ЕС по отношению к Пекину. За несколько дней до объявления о поездке Пелоси он заявлял: «Чтобы править миром, нужно обладать Китаем [...]. ЕС защищает независимость Тайваня, а мирное воссоединение». После военных манёвров Китая в водах Тайваня, организованных в ответ на визит Пелоси, антипекинские интонации зазвучали не только в наиболее атлантистски настроенной правой прессе, но и в СМИ, представляющих позицию истеблишмента и, значит, более согласных с правительством – например, *El País* с самого начала осудила «непропорциональную» реакцию Китая.

Следует сказать, что неоднозначность позиции испанской буржуазии также отражает её исторически разнонаправленные политические курсы, которые дали жизнь воплощающим разные её «порции» партиям и течениям.

Примат Европы Гонсалеса

Четыре по сей день живых экс-премьера демократической Испании получили возможность выразить своё видение порядка, в который следует поместить европеизм и атлантизм. Поводом стал цикл конференций «Испания в мире перед лицом будущего: диалоги с бывшими председателями правительства» в Международном университете Менендеса Пелайо в Сантандере (5–6 июля).

Социалист Фелипе Гонсалес, премьер-министр в 1982–1996 годах, который при содействии ФСП и СДПГ восстановил ИСПР во время перехода от франклизма к демократии, является сторонником примата Европы.

Для него это означает, что политические «приоритеты» Испании «находятся в Европе, Латинской Америке и Средиземноморье». По словам Гонсалеса, Испания «является частью европейского «клуба», атлантического «клуба», представленного НАТО, и располагает особыми отношениями, для которых характерны более прочные и тесные связи со Средиземноморьем, а также в контексте идентичности – с Латинской Америкой». Касаясь европейской обороны экс-премьер заявляет, что может «понять» тех, кто желает «меньших военных расходов», но не одобряет того, что они в буквальном смысле ещё и претендуют на «большую автономию относительно США».

Что касается Магриба, то Гонсалес задаётся вопросом о запуске «серьёзного трёхстороннего сотрудничества» в измерении безопасности с Марокко и Мавританией, а не «только о противоракетном щите, расположенном на андалузской базе Рота, который ориентирован на восточное Средиземноморье – что очень хорошо, но не является для нас приоритетом». Напротив, всё больший вес в украинской войне приобретает Латинская Америка, что требует реорганизации мировых цепочек поставок.

Испания необходимо, считает Гонсалес, задаться вопросом о том, какое значение имеет «атлантическая ось» в процессе обеспечения комплементарности европейского и южноамериканского

политических векторов. «Кроме того, – отмечает он, – [Южная Америка] играет огромную роль, когда дело доходит до Тихого океана», поэтому «так трудно поверить», что соглашение между ЕС и МЕРКОСУР до сих пор не подписано.

Аснар и атлантизм прошлого

Премьер-министр 1996–2004 годов от Народной партии Хосе Мария Аснар, в 2003 году бывший инициатором участия Испании в войне в Ираке на стороне США, меняет порядок приоритетных факторов.

«Я европеист, поскольку являюсь атлантистом, – утверждает Аснар. – Испания – это, по сути, атлантическая нация с определённой средиземноморской проекцией. Великие достижения Испании связаны с Атлантикой, [где она создала свою империю]». «[Таким образом] её крупномасштабные интересы относятся к Атлантике, представляющей собой величайшее воплощение безопасности и свободы в мире, [без чего] Европейский союз не существовал бы». «Мы, европейцы, считаем себя центром мира, и в этом есть определённое высокомерие, [но будущее будет отмечено] большой конкуренцией между США и Китаем».

Если Мадриду и есть за что покритиковать Вашингтон, так это за то, что, во-первых, последний «не имеет политики для Латинской Америки», а, во-вторых, в ней «отсутствует» Испания – несмотря на то, что в прошлом в этом регионе, особенно богатом ресурсами, существовала «действительно важная триангуляция».

Именно при Аснаре «Испания села за стол с теми, кто принимает решение»: это ясная отсылка к саммиту на Азорских островах 2003 года, который он торжественно открыл с американцем Джорджем Бушем и англичанином Тони Блэром за несколько дней до начала войны в Ираке. «Но потом [Испания] решила выйти из-за него».

Многосторонность Сапатеро

Социалист Хосе Луис Родригес Сапатеро, премьер-министр Испании в 2004–2011 годах, вышел из-за стола Буша и переориентировался на Рейнскую ось в том, что касалось войны в Ираке; тем не менее позднее он согласился с Бараком Обамой об установке уже упомянутой противоракетной системы НАТО на базе Рота.

Сегодня Сапатеро воспекает «европейский консенсус», царящий в Испании, и успехи, достигнутые ЕС, включая недавнюю кампанию по закупке и распространению вакцин против Covid-19. «После Европы» «великая судьба нашей внешней политики», отмечает Сапатеро, – это Латинская Америка, которая, как немногие, «имеет способность находить понимание с Западом и Востоком», то есть развивать «новую многосторонность», чтобы противостоять логике конфронтации между двумя блоками. Учитывая «геополитический сдвиг», последовавший за украинской войной, а также тот факт, что «экономическое будущее мира находится в руках Азии», Испания и ЕС должны «учиться» у Латинской Америки, в противном случае они рискуют дрейфовать «к чрезмерному нахальству или высокомерию, кои показывает пример США», что откроет дверь к «упадку».

«Больше Европы» по мнению Рахой

Также и представитель Народной партии Мариано Рахой Брей, премьер-министр с 2011 по 2018 год, испытывает удовлетворение по поводу того, что

«Испания является одной из самых европейских стран в Союзе». Самые большие «недостатки» ЕС в глазах Рахой – это, прежде всего, задержка фискальной интеграции, отсутствие более существенного европейского бюджета, «своего рода министерства финансов и еврооблигаций»; во вторую очередь – отставание в политике безопасности. В целом, Рахой убеждён, что необходимо «больше Европы». Эта концепция уже отразилась в его книге 2021 года «*Política para adultos*», где он, несмотря на нежелание расставаться с Вашингтоном, из логики американского *retrenchment* выводит необходимость больше ориентироваться на ЕС.

Эти выступления позволяют определить основные течения в Народной партии и ИСПР – основных испанских партиях, к которым можно прибавить и позиции некоторых второстепенных сил.

Атлантическая растворимость

Граница между ИСПР и парламентскими силами слева от неё была проведена референдумом 1986 года о сохранении членства в НАТО, на котором социалист Гонсалес, выступивший за и представители Компартии Испании (КПИ), находившиеся под влиянием российского империализма, оказались по разные стороны баррикад. Сегодня «Подemos» избегает чрезмерной критики оборонной политики правительства. Более того, Йоланда Диас, второй вице-президент и министр труда от «Подemos» и КПИ, недавно побывала в Вашингтоне, чтобы встретиться с левым демократом Берни Сандерсом, дабы развить свою версию атлантической связи. Уже во время визита в Рим она заявила, что, по её мнению, «Европа должна располагать большей стратегической автономией в отношении США», чтобы подготовиться к возможности победы Дональда Трампа в 2024 году.

Напротив, «Вокс», ультраправая партия, порождённая ответвлением Народной партии, разделяет явно *трампистскую* версию атлантизма.

В рядах «Вместе за Каталонию», правых индпендистов и трагикомических главных героев процесса борьбы за независимость, в котором она в том числе искала невероятную русскую поддержку, заметно изменение тона. Советница по иностранным делам регионального правительства Виктория Альсина, недавно вступившая в партию, не только напоминает, что «Каталония всегда была глубоко европеистской страной», но и считает, что «если бы Европы 27 стран не существовало, то Россия, вероятно, подошла бы к воротам Праги или Будапешта [и что] защита полезности такого института, как НАТО, является актом реализма».

Отмечается атлантическая растворимость маргинальных сил, полезных для управления в контексте высокой парламентской и территориальной фрагментации. Наряду с европейской растворимостью – в зависимости от стадии отношений между Брюсселем и Вашингтоном – это станет фактором, который будет проверен на будущих испанских политических картах.

Задачей же интернационалистов по-прежнему остаётся разоблачение старых и новых идеологий европеизма и атлантизма вместе с «многосторонностью» восходящих держав и охват – во всей его широте – мирового класса наёмных работников и его борьбы.

Пиренеи и реструктуризация в Испании

Узлы отношений между плюрализмом испанских региональных групп и фракций и плюрализмом европейских групп и фракций оказались под напряжением из-за кризиса, вызванного конфликтом на Украине. Не только чрезвычайная ситуация в области энергетики, но и другие проявления дефицита централизации и глубины интеграции европейского империализма становятся проверкой для европейских, национальных и местных властей.

Энергетический остров

Среди стран ЕС наметился политический раскол в поисках общего ответа на энергетическое измерение войны. Полемика выявляет значимые объективные различия между непосредственными местными интересами, которые затрудняют формулирование линии, централизующей политическую волю в континентальном масштабе.

Испания и Португалия, например, получили «иберийское исключение», т.е. возможность вмешиваться в свой собственный энергетический рынок сроком на год в силу низкого уровня взаимосвязи электросети с остальной частью ЕС: только 2,8 % электроэнергии, производимой в Испании, может пересекать Пиренеи, несмотря на то, что Совет ЕС установил цель в 10 % к 2020 году и 15 % к 2030 году. Пиренейский полуостров был признан *энергетическим островом*, в связи с чем Мадрид и Лиссабон смогли отойти от цен ЕС. Они ограничили рост цен на электроэнергию, снизив зависимость от цены на газ, к которой она привязана.

Испания, как и другие европейские страны, воспользовалась для вмешательства в ситуацию такими инструментами, как снижение налогов и субсидии на общую сумму, оцениваемую Институтом Брейгеля в 27 млрд евро. Хотя эти меры, по всей видимости, принимаются государствами в индивидуальном порядке, в действительности их финансовая устойчивость с точки зрения национального долга обязана существованию общеевропейских фондов и монетарного щита ЕЦБ, основанных на континентальном измерении европейского рынка, и воле к их использованию.

Они также являются инструментами предотвращения расцвета еврофобии. Мария Саукильо, глава группы *El País* в Брюсселе, предупреждает о социальных последствиях инфляции и «перспективе зимы гнева, с уже проходящими демонстрациями в Чехии (стране, которая, кроме всего прочего, председательствует в ЕС) и в Германии, с ультраправыми, которые пытаются воспользоваться этой неблагоприятной ситуацией».

Все с ЕС и «каждый сам за себя»

Мадрид уже год настаивает на необходимости совместных действий в области энергетики для преодоления кризиса. Об этом также упомянул испанец Жозеп Боррель, верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности. В интервью газете *La Vanguardia* он сказал: «Испания и я как уполномоченный Испании с сентября 2021 года просим отвязать цену на электроэнергию от цены на

газ. В этом году Испания и Португалия добились этой заплатки, но при этом встретили много сопротивления», – явная ссылка на Нидерланды и Германию, однако «теперь оно преодолено». Это подтверждается следующим фактом: председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен «ясно дала понять, что будет предложена система фиксации цен взамен существующей».

Но основные расхождения сохраняются как на национальном уровне, так и на уровне ЕС. В Испании коалиционное правительство ИСПП – «Подemos» во главе с социалистом Педро Санчесом и оппозиция во главе с Альберто Нуньесом Фейхоо из Народной партии (НП) ведут борьбу вокруг новых налогов для энергетических компаний и банков. Их электоральные перспективы фактически обуславливают возможность достижения соглашений между сторонами.

На межгосударственном уровне Париж блокирует строительство газопровода MidCat между Каталонией и Францией, предпочитая Германию в качестве партнёра по обмену газа на электроэнергию. В то же время Энрик Хулиана, заместитель редактора *La Vanguardia*, сообщает, что Париж рассматривает проложить подводный кабель между Бильбао и Бордо, что позволит увеличить взаимосвязанность до 5 %, а затем добавить две новых ветки соединения через Пиренеи, что позволило бы увеличить показатель до 8 %. Цель заключается в удовлетворении своих потребностей, учитывая трудность, через которые проходит ядерная промышленность страны (в настоящее время работа 32 из 56 реакторов приостановлена для технического обслуживания).

Именно по этой причине Государственная компания EDF (Électricité de France), согласно газете *la Repubblica*, недавно написала в Рим письмо, в котором говорится, что она может прекратить продажу электроэнергии в Италию в ближайшие два года. На горизонте войны, по словам римской газеты, вырисовывается «сценарий «каждый сам за себя»». «Энергетический национализм, который проявляется в закрытии границ рынков между странами», по мнению эксперта Института Брейгеля Симоне Тальяпьетра, является «матерью всех рисков перед лицом российского шантажа». *Le Monde*, напротив, отмечает, что Европа продемонстрировала впечатляющую способность к адаптации, показав себя «прагматичной и способной защищаться».

Узкие места европейских железных дорог

Трение не ограничивается областью энергетики. В Испании существует множество течений, которые стремятся как можно скорее реализовать проекты европейских «коридоров» высокоскоростного железнодорожного транспорта. Это стремление находит полную поддержку со стороны Португалии. Для средиземноморской дуги и северных регионов это будет означать движение вперёд, необходимое, чтобы не отставать от европейских темпов. Однако в этом вопросе «Эммануэль Макрон отдаёт приоритет высокоскоростной линии между Тулузой и Бордо, чтобы соединить французский восток

и запад, Атлантику и Средиземноморье» (Э. Хулиана). Именно здесь региональная диалектика Франции и иберийская региональная диалектика взаимодействуют через свои государства.

Испания, которая, по словам правительства, сможет завершить свою часть проекта через несколько лет, сталкивается с горькой иронией истории. На большинстве железных дорог страны ширина колеи – расстояние между двумя путями – шире, чем в континентальной Европе, что исторически делает сообщение через Пиренеи более медленным и трудным. Сегодня европейский активизм Испании, пусть даже подкреплённый средствами фонда «Next Generation EU», рискует оказаться недостаточным для преодоления «узких мест» её логистической системы.

Ещё одной проблемой для «средиземноморского коридора», который должен соединить Андалусию, Мурсию, Валенсию и Каталонию с ЕС, является потенциальное «узкое место» на территории Франции между Перпиньяном и Монпелье. Ожидается, что старые пути на этом участке заставят поезд замедлять ход до их полной замены в 2044 году.

Потенциал «атлантического коридора», проходящего через Страну Басков, один из наиболее промышленно развитых регионов Пиренейского полуострова, и соединяющегося также с Астурией и Галисией, сдерживается отсутствием высокоскоростных железнодорожных путей между городами Андай и Бордо. Строительные работы здесь начнутся в 2037 году.

Валенсия, европейский порт

Эта инфраструктура также связана с портовой системой. Список испанских проектов включает «кантабрийско-средиземноморский коридор», который соединит порты Северного моря с Валенсией через промышленный центр Сарагоса.

Порт Валенсии занимает пятое место в ЕС и первое в Средиземноморье по объёму перевалки контейнеров – 5,5 млн TEU (единица измерения объёма контейнерных перевозок) в год, что составляет 40 % от общего объёма по стране. Его перспективы также связаны с железнодорожным сообщением, особенно европейским. Вместе с пор-

том Сагунто валенсийская логистическая система выступает одной из мотиваций для важных промышленных инвестиций, связанных с европейским циклом реструктуризации энергетики и фондом «Next Generation EU».

Volkswagen принял решение инвестировать в Испанию 10 миллиардов евро для развития электрических и «подключённых» автомобилей совместно с консорциумом «Future: Fast Forward», который объединяет 62 компании из 11 различных регионов. Выбор места расположения гигафабрики по производству аккумуляторов пал на Сагунто. Герберт Дисс, который на момент презентации проекта в мае ещё занимал пост генерального директора концерна, указал на «прямой доступ к морю и железнодорожному сообщению» в качестве сильных сторон Валенсии, а также на располагающийся в городе Политехнический университет, призванный обеспечить квалифицированную рабочую силу. Таким образом, эти факторы поспособствуют участию региона в «крупнейшем акте промышленных инвестиций в истории Испании», в результате которого с помощью европейских фондов будет переведён на электрические рельсы «второй по объёму производитель автомобилей в Европе».

Несколько недель спустя газета *El Economista* сообщила, что американские компании MaxLinear и Analog Devices вместе с немецкими компаниями Osram и Bosch и японская компания Hitachi готовы объединить усилия для создания «Валенсийского кремниевого кластера» по производству микрочипов.

Затем Ford запустил свой собственный план по созданию электромобиля в Валенсии на заводе «Альмуссафес», но в августе объявил об отказе от PERTE, правительственного механизма получения доступа к европейским фондам, и откладывании инвестиций. Правительство, тем не менее, заверило компанию в поддержке проекта на упомянутом заводе.

Логистические цепочки и цепочки поставок, начиная с энергетики, необходимые Испании для осуществления реструктуризации, также будут зависеть от исхода сражений с непредсказуемым результатом.

Иберийские исключения и призраки

Продолжение кризиса, вызванного вооружённым конфликтом на Украине, показывает, что Испания стремится защищать свои особые интересы, включая различные локалистские требования отдельных территорий страны, и в то же время пытается достичь большей степени европейской интеграции, что сближает её с рейнской осью.

Противоречия всё более и более обнажаются, подрывая старые и новые мифы о суверенитете и социал-империализме левых, правых и локалистов. Они упорно противостоят давлению событий, которые могли бы подтолкнуть их к изгнанию собственных призраков ради того, чтобы справиться с узлами войны и её последствиями. Хроника этих сражений даёт почву для размышлений.

Испания 146, Италия 445

В Берлине состоялся съезд Европейской социалистической партии, на котором новым лидером партийной конфедерации был избран швед Стефан Лёвен. Премьер-министр Испании Педро Санчес, имеющий притязания на пост председателя международной федерации социал-демократов, воспользовался берлинской трибуной, чтобы заявить об эффективности иберийского исключения, которое сэкономит испанцам 2,6 млрд евро.

Речь идёт о временном механизме, который позволяет Испании и Португалии отвязать цену на электроэнергию от цены на газ в обход европейского правила «пределных цен», где в качестве эталона используется источник с самой высокой себестоимостью производства в настоящее время – газ. 11 октября испанское министерство экологического перехода представило следующие данные о средних ценах на оптовом рынке электроэнергии за мегаватт-час (МВт·ч): в Испании и Португалии – 181 евро, в Германии – 260 евро, во Франции – 270 евро и в Италии – 284 евро. Для сравнения: средний показатель за весь период с 15 июня (когда начало применяться исключение) до начала октября для жителей Пиренейского полуострова составил 146 евро за МВт·ч, что наполовину меньше, чем в Германии (353 евро), Франции (405 евро) и Италии (445 евро).

Однако эффективность данной меры в условиях усугубляющегося энергетического кризиса не позволила предотвратить роста расходов и в Испании: они увеличились более чем в два раза. Общая инфляция в сентябре оставалась на высоком уровне (8,9%), особенно в отношении продуктов питания (14,4%), хотя, по данным *El País*, уровень остаётся ниже среднего по ЕС, в том числе потому, что «транспорт и электроэнергия по-прежнему умерены».

Энтузиазм в отношении иберийского исключения не является единодушным, поскольку ценность этого механизма частично нивелируется повышением цен на другие источники энергии и на контракты с уже урегулированными тарифами, что делает использование газа менее невыгодным, поощряя увеличение его потребления. Однако в европейском сообществе обсуждаются различные

варианты вмешательства в континентальный энергетический рынок.

Козлы в Париже

Диверсии на двух ветках «Северного потока» также повысили значимость проекта MidCat – трубопровода, который должен соединить Францию с Каталонией, укрепляя связи между сердцем ЕС и Магрибом, с которым связана испанская электроэнергетическая сеть.

«Мы не будем, словно пиренейские козлы, скакать вокруг этого трубопровода, полагая, что он решит газовую проблему», – заявил месяц назад президент Франции Эмманюэль Макрон, вызывая в памяти дух Шарля де Голля. Последний, отвечая Франсуа Миттерану, который требовал от Франции большей приверженности Европе, сказал: «Без сомнения, мы можем прыгать на стуле, как пиренейские козлы, с криком: Европа! Европа! Но это ничему не служит и ничего не значит».

Однако заместитель редактора *La Vanguardia* Энрик Хулиана отмечает, что климат изменился под воздействием явного давления со стороны канцлера Германии Олафа Шольца, поддерживающего газопровод, за который активно выступает Санчес, и премьер-министр Португалии социалист Антониу Кошта. Теперь «новшество заключается в том, что пиренейские козлы были приглашены в Париж». Макрон, по сути, объявил о встрече с испанцем и португальцем, уточнив: «Мы придём к очень прагматичному соглашению между нами тремя. Потому что именно так получается хороший результат. Европейский стиль».

Пенсии и пушки

В целом европейский момент кажется благоприятным для Санчеса, который приближается к последнему году текущего созыва парламента. По вопросу бюджета на 2023 год он уже достиг соглашения со своими партнёрами по правительству из «Подemos». Всего планируется потратить 486 млрд евро, включая средства из европейских фондов. Социальные расходы увеличатся на 10% (267 млрд евро), большая часть из которых приходится на пенсии (191 млрд евро), которые вырастут на 8,5%, в соответствии с уровнем инфляции. Рост также включает в себя новые пособия и субсидии для смягчения социальных последствий кризиса, но, с другой стороны, также наблюдается увеличение расходов на оборону на 26%. Эти цифры не сравнимы с *Zeitenwende* – эпохальным поворотом Шольца с пакетом на сумму 100 млрд евро, но с учётом того, что в правительстве входит «Подemos», увеличение расходов на модернизацию армии с 7,5 до более чем 12 млрд евро, в то время как в Европе уже грохочут пушки, – значимый шаг.

Движение «возмущённых» (*индигнадос*), давнее начало этой политической партии, использовало в качестве лозунга слова «Да, мы можем», намекая на идею изменения государства и мира с помощью парламента. Но если им и удалось что-то изменить, то, конечно, не мир и империалистическую природу европейских метрополий.

Однако на конец октября окончательной ратификации проекта нового бюджета ещё не произошло, поэтому ожидаются непростые переговоры с партнёрами по коалиции и оппозицией. Правые открыто нападают на испол-

нительную власть за «электоральный бюджет» и настаивают на необходимости значительного снижения налогов. Финансовая газета *El Economista* отмечает, что в отличие от Санчеса португалец Кошта предпочитает ставить целью контроль над долгом и снижением налогов, «избирая при этом менее обременительные меры, чем в Испании, например, повышение пенсий [лишь на уровне] в два раза ниже инфляции». Исполнительная власть в ответ использует кризис британского правительства как предостережение против либеральной догмы о снижении налогов.

Каталонский кризис

Народная партия (НП) галисийца Альберто Нуньеса Фейхо во многих опросах уже обогнала ИСПП Санчеса, расширив своё влияние среди избирателей центра; одновременно партия пытается вернуть поддержку со стороны «Вокс».

Кризис испанской судебной системы, руководство которой официально сложило свои полномочия четыре года назад, также является следствием этих сложных взаимоотношений. Обновление Генерального совета судебной власти и Верховного суда требует значительного большинства в парламенте и поэтому возможно только при соглашении противоборствующих сторон, к чему неоднократно призывала Еврокомиссия. Но отдавать консерваторам большинство в Генеральном совете не представляется разумным, поскольку призрак тяжёлого наследия НП в виде коррупционных дел всё ещё бродит по судам.

Однако ради возможности взять в руки управление страной в ближайшем будущем НП, возможно, придётся обратиться к поддержке не только со стороны «Вокс», но и локалистских политических сил. На сегодняшний день основными парламентскими группами среди них являются баски и каталонцы, предпочитающие сотрудничать с социалистами и находящиеся в напряжённых отношениях с централистски настроенными крайне правыми.

Кризис регионального правительства Каталонии, кажется, может усилить связь между Монклоа (резиденцией председателя центрального правительства ИСПП и «Подemos») и Дворцом Жене-ралитата в Барселоне. Уже долгое время длится ожесточённое соперничество между партией главы региона Пере Арагонеса Левые республиканцы Каталонии (ЛРК) и правым крылом правительства и индпендизма в лице «Вместе за Каталонию» (JxCat). Одержимые призраками каталонского суверенитета, они совместно стояли у истоков процесса борьбы за независимость.

JxCat – партия Карлеса Пучдемона, экс-председателя правительства Каталонии, который в октябре 2017 года, после референдума по вопросу об отделении, провозгласил «Одностороннюю декларацию независимости» и три минуты спустя приостановил её действие.

В последние годы ЛРК вела более активный диалог с Мадридом, неоднократно поддерживая коалицию ИСПП – «Подemos», в то время как JxCat придерживалась более бескомпромиссной линии. После трудного периода сосуществования в новом правительстве Арагонеса JxCat объявила о выходе из коалиции, ссылаясь на проведённый среди своих милитантов в октябре референдум: 56% проголосовали в под-

держку такого решения. Это не только раскололо сторонников независимости на две части, но и разорвало саму JxCat, поскольку почти половина сторонников этой политической силы не разделяет линию непримиримости в полной мере.

16 октября 2017 года Жорди Санчес, в то время председатель Национальной ассамблеи Каталонии, крупнейшей ассоциации сторонников независимости, стоявшей за организацией демонстраций, отправился в тюрьму по обвинению в подстрекательстве к мятежу. В 2020 году он стал генеральным секретарём JxCat, находясь в тюрьме, из которой политик был освобождён благодаря помилованию в конце июня 2021 года. В ситуации распада правительства его вердикт был кратким: «Процесс окончательно завершён».

В ответ Арагонес сформировал новое правительство, в которое вошли те, кто связан с каталонскими правыми, а также ИСП (каталонская ИСПП) и En Comú Podem (ЕСР; каталонская «Подemos»). Последние две партии уже предложили ему различную степень поддержки. Сумма мест ЛРК (33), ИСП (33) и ЕСР (8) даст Арагонесу большинство в каталонском парламенте (74 места из 135). Это в ещё большей степени обяжет ЛРК сотрудничать с центральным правительством, не в последнюю очередь для того, чтобы обеспечить беспрепятственное получение европейских фондов для борьбы с тяжёлыми последствиями пандемии и войны, которые ощутили на себе Мадрид и Барселона.

Призраки!

Движение независимости мечтало о фондах ЕС без неудобного материального посредничества испанского государства, вызывая призраки из долгой истории своей борьбы против централизма. Прочная экономическая интеграция Каталонии в испанский рынок, а через него – в европейский, уже представляет собой мощное ограничение. Но в конце концов по мере обострения противостояния между великими державами с его насилием и глубоким социально-экономическим кризисом становится всё более очевидным, насколько напрасным было преследование этих ложных мифов. Над каждым национальным вопросом сегодня довлеет фундаментальное классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом, и единственное возможное решение может быть найдено в интернационалистской стратегии революционного пролетариата.

В пьесе неаполитанского драматурга Эдуардо Де Филиппо «Призраки» главный герой лишь в конце обнаруживает, что человек, финансирующий его новый гостиничный бизнес в старом испанском дворце, отнюдь не был хорошим «призраком», а являлся любовником его жены. Получив от последнего крупную сумму денег, он говорит соседу: «Призрак сказал, что отбыл наказание и больше никогда не покажется. Прошу прощения? [Возможно, он вернётся] в другом обличье? Возможно. Будем надеяться! А если нет, как мы можем это устроить?».

Ещё предстоит увидеть, под каким видом испанский централизм и каталонский локализм вернутся к противостоянию друг с другом и станут ли это комедией или иберийской трагедией.